

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ПОЛЕ БОЯ — УКРАИНА

ГЕОРГИЙ
САВИЦКИЙ

СЛОМАННЫЙ ТРЕЗУБЕЦ

Георгий Савицкий

Поле боя – Украина.

Сломанный трезубец

Серия «Украина – поле боя»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6890908

*Георгий Савицкий Поле боя – Украина. Сломанный трезубец: Якуза, Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-71660-9*

Аннотация

Самый злободневный фантастический боевик на самую актуальную тему! Третья Мировая начинается на киевском Майдане!

Ближайшее будущее. Массовые беспорядки на Украине перерастают в гражданскую войну. При помощи «миротворческого контингента» НАТО, под прикрытием американской авиации и бронетехники, бандеровские каратели с «трезубцем» на погонах начинают геноцид русскоязычного населения, стирая с лица земли целые города. Гибнет в огне Полтава, разрушен до основания Днепропетровск. Все Левобережье, Крым и Новороссия поднимаются против оккупантов. Россия помогает бойцам Сопротивления новейшим вооружением, добровольцами и военными советниками.

Содержание

Пролог	5
Часть первая. В сердце Украины	9
Глава 1. Страна кривых зеркал	9
Глава 2. Геостратегическое планирование	26
Глава 3. Приметы грядущей беды	29
Глава 4. Воспоминания	48
Глава 5. «Импортные украинцы»	52
Глава 6. Рубеж атаки	60
Глава 7. Показательный пилотаж	71
Глава 8. Предатели	76
Глава 9. Flanker vs. Fighting Falcon	84
Глава 10. Время шакалов	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Георгий Савицкий

Поле боя – Украина.

Сломанный трезубец

Они сломают проклятый бандеровский «трезубец»! Они освободят «Мать городов Русских» от фашистов и оккупантов! Поле битвы – Украина! Это есть наш последний и решительный бой!

Данный роман является художественным произведением. Любое совпадение с реальными событиями и персоналиями – случайно. Информация о системах вооружения взята из открытых источников и не несет угрозы безопасности государству.

Пролог

Двадцать второе июня. Над иссушенной солнцем украинской степью плыли облака пыли, она оседала на лица и пятнистую униформу солдат, раскаленную броню «Абрамсов», «Мардеров», Т-72smk, «Леопардов» и «Брэдли». Вся движущаяся армада: люди и танки, БМП и громадные установки залпового огня «MARS» – была покрыта серым саваном.

Американские морпехи уже не напоминали тех храбрых парней с белозубыми «голливудскими» улыбками, которые стройными рядами маршировали по Крещатику. Но все же они шли вперед. Вместе с ними двигались и части украинской «армии», выглядевшие на фоне американцев совсем уж жалко. Солнце, висящее в безоблачной, пронзительной синеве, слепило глаза.

Сливаясь с его беспощадным сиянием, к земле устремились раскаленные кометы гиперзвуковых ракет класса «воздух – поверхность». За считанные секунды, преодолев на трех Махах¹ расстояние до цели, новейшие «интеллектуальные» русские ракеты произвели подрыв своих боевых частей.

Первыми на боевые порядки натовской бронетехники обрушились противотанковые поражающие элементы. Тандем-

¹ Мах (число М) – относительная величина, показывающая, во сколько раз скорость объекта выше скорости звука. Зависит от состояния среды, в которой движется объект.

ные боеприпасы крушили динамическую защиту танков и прошивали мощную броню тонкими раскаленными «иглами» кумулятивных зарядов. Осколочно-фугасные кассетные боеприпасы поражали пехоту, выкашивая ее ряды стальными стрелками, прошивающими бронежилеты навывлет. Объемно-детонирующие боеголовки третьего эшелона обрушили на захватчиков пылающие небеса.

Небо над натовскими войсками разверзлось потоками огня и стали. Страшный вал ударной волны и осколков сметал на своем пути все живое, уничтожал технику и испарял людей внутри нее. Кипела земля, кипел воздух, плавилась броня, и обугливались кости. Меньше чем через минуту огненный ураган стих. Дальше от эпицентра попадания в наступившей звенящей тишине раздавались глухие стоны чудом уцелевших.

В тридцати километрах от груды искореженной натовской техники и обугленных останков морских пехотинцев США звено красnozвездных многоцелевых истребителей Су-27СМ выполнило широкий разворот, ложась на обратный курс.

– Я – 801-й, задание выполнил, цель поражена. Возврат на «точку».

* * *

Под крыльями истребителей с красными звездами на вы-

соких двойных клях стремительно пронеслась разоренная войной земля Украины, на которой сейчас безраздельно властвовали оккупационные силы НАТО. Лишь немногие патриоты решились бросить вызов «новым кочевникам» из-за океана и их «желто-блакитным» прихлебателям. Горечь и боль сжимали сердца летчиков, пилотировавших многофункциональные истребители.

Война пришла на Украину. Повальное предательство чиновников и генералов, развал экономики, промышленности, армии, общества окончательно превратили процветающую некогда республику в сырьевой придаток Соединенных Штатов.

Но, даже разрушив все, Америка не успокоилась. Натовские стратеги решили использовать территорию Украины как плацдарм для жесткого, силового давления на Россию, стремясь ослабить единственную в мире державу, которая все еще осмеливалась бросить перчатку в раскормленную гамбургерами харю «мирового гегемона». Манипулируя националистическими настроениями в украинском обществе, искусственно разжигая межнациональную рознь, насаждая свою убогую «культуру», США окончательно хотели уничтожить все, что напоминало о братстве двух славянских народов. И прикормленная, хитроседалищная «украинская элита» сама делала все, чтобы отмежеваться от русскости, от многовековой славянской культуры, от Православной веры.

Народ снова был раздавлен, но нашлись те немногие, кто

сохранил совесть, силу и широту души. Они взялись за оружие при поддержке России, отстаивая право жить на своей, свободной земле. Им было нелегко сделать свой выбор, но на сделку с совестью они пойти не могли. За эту землю проливали кровь их отцы и деды в Великую Отечественную войну. На этой земле нечеловеческими усилиями уже после войны они восстанавливали и создавали заново современную промышленность, науку и культуру.

Сейчас пришел черед детей защищать от поругания святыни и память отцов. Несмотря на господство высоких технологий на поле боя, основная борьба вершилась в сердцах людей.

Часть первая. В сердце Украины

Глава 1. Страна кривых зеркал

«...А теперь новости из России. Тяжелый авианесущий крейсер «Адмирал флота Советского Союза Николай Кузнецов» вернулся в порт Североморск после завершения боевого дежурства у побережья Африки. Напомним, что главной целью похода было обеспечение безопасности судоходства у берегов Черного континента. Летчики палубной авиации на истребителях Су-33 выполнили свыше ста вылетов на патрулирование и потопили двенадцать вооруженных катеров и легких кораблей пиратов. Действия североморцев высоко оценены командованием Многонациональных морских сил...»

Олег Щербина глянул на часы и выключил телевизор.

– О, русские – молодцы! Дают прикурить пиратам! Не то что мы...

– Юра, пошли, у нас через сорок минут – зона.

Сидящий на диване Юрий Рошин отложил «Огонек» и подхватил свой шлемофон.

– Н-на выход, труба зовет!

– Ладно-ладно, «труба зовет», – умерил пыл молодого летчика капитан Щербина. – Поспокойней.

Они вместе вышли из комнаты отдыха летного состава и направились к стоянке. Там их ждали два красавца истребителя. Сейчас – сектор газа вперед, ручку на себя, и... Широкое загорелое лицо Олега осветила улыбка, в глазах вспыхнул знакомый всякому летчику блеск. Щербина глянул на истребители, и улыбка его погасла. Вместо рубиновых звездочек на высоком двойном вертикальном оперении были наклеены синие щиты с золотыми трезубцами.

Сколько лет прошло, а ума не нажили... После предательского развала Союза в девяносто первом Украина наконец-то обрела «независимость». Тогда казалось – ну вот теперь заживем! Ведь все есть – металлургия, машиностроение, химия, энергетика, о сельском хозяйстве и говорить нечего – всю Европу прокормим! А такие жемчужины, как ОКБ Антонова или ракетный «Южмаш», да вместе с крупнейшим судостроительным заводом в Николаеве, где, кстати, до сих пор у достроечной стенки ошвартованы два авианесущих и один ракетный крейсер!

И вот теперь дожили... Как говорится, «гладко было на бумаге, да забыли про овраги». Откуда ни возьмись повывезли из щелей националисты – «борці за вільну Україну». И начался долгий путь в никуда...

Сначала на волне всеобщей эйфории от обретения не известной никому «свободы» ничего не замечалось. Но потом близость неприятностей почувствовали все. Металлургические заводы распродали с молотка, на «Южмаше»

«по конверсии» стали выпускать вместо высокотехнологичных ракет троллейбусы, авианесущие крейсера перестроили в плавучие казино и продали какой-то «левой» фирме. Украина стремительно неслась в пропасть под руководством «желто-блакитной» коалиции *фашиствующих политических авантюристов и оголтелых националистов*, как пел Валерий Сюткин. И все прекрасно знали, кто дергает тайные ниточки власти в этом кукольно-живом театре абсурда. Знал это и капитан Воздушных сил Украины.

Олег Щербина тяжело вздохнул – «независимые», блин. От чего независимые? Ладно, хрен с ними, хорошо, что хоть топливо на полеты нашли. И то – потому, что скоро трехсторонние учения Россия – Украина – США. Он осмотрел самолет, расписался в журнале техника.

– Что нахмурились, товарищ капитан? – встревожился прапорщик. – Я два раза все проверил...

– Все нормально, Павел Филиппович, – успокоил старого служаку летчик. – Просто, когда я эти трезубцы вижу, мне на душе скверно становится.

– А, перемелется, – махнул рукой прапорщик. – Думали, хуже будет, а вон ничего, живем.

– Ага, – рассеянно ответил Щербина, взбираясь по стремянке в кабину.

Здесь он чувствовал себя на своем месте. Привычно осмотревшись, Олег застегнул замок парашюта, техник, взобравшись следом, помог подтянуть привязные ремни.

Так, проверить давление в основной и резервной гидросистемах, стояночный тормоз, отрегулировать связь, гироскоп, высотомер по давлению... Олег повернулся к технику и показал большой палец.

– Стремянку убрать!

– Есть убрать.

С легким шелестом опустился прозрачный фонарь кабины, отсекая все аэродромные звуки и суету.

– Ручей, я – 801-й, на борту порядок, разрешите запуск.

– Восемьсот первому запуск разрешаю.

– Понял, разрешили.

Взрели турбины, полыхнуло в камерах сгорания тугое, мощное пламя. За спиной послышался глухой рев, по «телу» истребителя пробежала легкая дрожь. Самолет ожил и рвался в небо.

– Восемьсот первому, Восемьсот второму – исполнительный.

– Ручей, я – Восемь – ноль – первый, исполнительный занял. Взлет?

– Взлет разрешаю.

Отпущена гашетка колесных тормозов, полный газ! Два истребителя легко разбегаются по бетонке, ручку на себя – и вот он, долгожданный миг перехода в третье измерение! Легкая перегрузка вдавливают в кресло – первое приветствие неба.

– Я – 801-й, взлет произвел, шасси, закрылки убраны, зе-

ленные горят. Иду в наборе.

– Я – 802-й, взлет за 801-м визуально. Шасси, закрылки убраны, иду в наборе.

– Я – Ручей, 801-му, 802-му, отход курсом сто восемьдесят. Занимайте четыре тысячи, зона пять.

– Ручей, я – 801-й, прием. Вас понял, отход курсом «один – восемь – ноль». Занимаю четыре тысячи, пилотажная зона пять.

Ровно гудели турбины, под крылом расстилалась облачная равнина, в разрывах которой виднелись зеленые поля, перелески и блестящие жилки рек. Разгар весны – апрель, скоро майские праздники, а еще раньше – начнутся долгожданные учения, подготовкой к которым их мурыжили уже больше года.

Олег привычно осмотрелся, слева, выше и позади него висел истребитель ведомого. Олег усмехнулся. Юрка был молодым и горячим, но машину чувствовал, что называется, «пятой точкой» и строй, несмотря на все фортели ведущего, держал. А пилотажем на таком сверхманевренном истребителе, как Су-27, Олег Щербина владел в совершенстве, летать для него было призванием и делом всей жизни.

– Занял зону пять, задание?

– Восемьсот первому, Восемьсот второму пилотаж парой разрешаю. От двух до пяти. Олег, полегче на виражах.

– Я – Восемьсот первый, понял, разрешили. Работу начал, ведомый, держи хвост.

– Я – Восемьсот второй, вас понял, прикрываю.

Ручку вправо, правую педаль вперед до отказа, полный газ! Су-27 накренился в глубоком вираже, привычно сжала тело перегрузка. Олег мельком бросил взгляд на зеркала заднего вида, укрепленные изнутри на козырьке кабины. Ведомый выполнил фигуру четко, следуя за истребителем командира. Нормально...

Теперь – левый вираж с минимальным радиусом. Взрев двигателей, «сушка» развернулась практически вокруг хвоста. Переворот через крыло! Земля и небо меняются местами, тяжелый истребитель падает в многокилометровую бездну. Ручку на себя, свинцовая тяжесть разливается по всему телу, багровой пеленой туманит глаза. Но Су-27 задирает острый нос, увенчанный штангой ПВД², и уверенно идет вверх. Пользуясь избытком скорости, Олег повел свой истребитель на петлю. В верхней точке фигуры он поднял щиток светофильтра и, насколько позволял заголовник катапультного кресла, откинул назад голову. В глаза ударили яркие лучи солнца, за спиной терялась в дымке тонкая черта горизонта, а вокруг было небо...

Замерев на мгновение в верхней точке петли, истребитель стремительно пошел вниз. Отрицательная перегрузка попыталась выбросить летчика из кабины, но сработала автоматическая система притяга привязных ремней. Выход из пикирования – и новая фигура высшего пилотажа.

² ПВД – приемник воздушного давления.

Два стремительных истребителя, словно связанные невидимой нитью, грациозно чертили следами инверсии сложные траектории фигур высшего пилотажа.

И напоследок – «кобра Пугачева»! Олег разогнал до предела свой истребитель, резко взял ручку на себя, одновременно потянув РУД³ назад до защелки малого газа. Истребитель резко встал вертикально, отклонив фюзеляж чуть назад, распахнув «змеиный капюшон» широких стреловидных крыльев. Синхронно зависнув между небом и землей, два Су-27 затем стремительно рванулись вперед, в броске, которому позавидовала бы и сама королевская кобра!

– Восемьсот первый работу закончил, возврат на «точку», прием.

– Ручей вас понял. Возрат на «точку» разрешаю, конец связи.

Два истребителя легли на крыло в широком развороте. Олег улыбнулся – хорошо слетали, черт возьми!

После приземления Юра подошел к ведущему:

– Товарищ капитан, разрешите получить замечания?

– Нормально. Только на вертикалях будь внимательнее.

– Есть! – Юрий четко бросил правую ладонь к поднятому забралу светофильтра защитного шлема.

«Когда-то эта воинская традиция произошла именно от того, что рыцари, сходясь друг с другом, открывали забрала своих шлемов, чтобы продемонстрировать дружелюбие. Те-

³ РУД – рычаг управления двигателем.

перь иные рыцари носят иные шлемы, а традиция вот осталась», – подумал капитан.

А ведомый-то горяч. Горяч, но летает неплохо. В чем-то Юрка напоминал ему себя самого в молодости. Хотя тоже мне, старик нашелся. Щербина хмыкнул.

Потом достал из нагрудного кармана комбинезона мобильный, нужно было позвонить Ксанке, сказать, что завтра сможет к ней приехать...

* * *

Аэродром готовился принять самолеты. Уже давно полтавская авиабаза не знала такой суеты. Бегали по каким-то своим делам офицеры и солдаты. В помощь к контрактникам сюда перебросили аж две роты срочников.

Едущий на своей «Волге» по дороге военного городка начальник Музея Дальней авиации полковник Валентин Верескун усмехнулся. Да, такое могло быть только в «незалежной» Украине – музей располагался на территории действующей воинской части, военнослужащие которой занимались охраной и содержанием аэродрома, оставшегося еще от советских времен.

Полковник Верескун хорошо помнил те времена. Тогда он, молодой, но уже опытный офицер, командовал 185-м гвардейским Кировоградско-Будапештским Краснознаменным тяжелобомбардировочным авиаполком. Это был лидер-

ный бомбардировочный авиаполк высокой готовности. Его летчики самыми первыми в строевых частях осваивали новейшие на то время сверхзвуковые бомбардировщики-ракетоносцы Ту-22М. Рев стартующих по ночам «Бэкфайров» оглашал окрестности, сияли факелы форсажного пламени, словно огненные кометы. Ту-22М взлетали и садились только ночью, в отличие от Ту-16, полк которых дислоцировался на том же аэродроме. Уж больно часто «туристы», которые приезжали на поле знаменитой Полтавской битвы, уставляли объективы своих фотоаппаратов в небо, а не на памятники «старины глубокой».

А потом порезали красавцев «Бэкфайров» и вместе с ними и часть тяжелых бомбардировщиков-ракетоносцев Ту-160 и Ту-95МС из Прилук и Узина. На американские, естественно, деньги. Процесс уничтожения воздушной мощи страны был обставлен лживыми лозунгами «Оказания помощи Украине в поддержании ее безъядерного статуса», «Мирной инициативой» и тому подобной мишурой.

Главным было то, что американцы и их «желто-блакитные» прихлебатели резали труд сотен людей, которые создавали, эксплуатировали и осваивали современный, уникальный боевой комплекс. Самолеты и ракеты уничтожали только для того, чтобы они не вернулись в Россию, которая хотела выкупить их за очень большие деньги. Не мог смотреть на это варварство командир полка, военный летчик-снайпер, налетавший в общей сложности более двух с половиной ты-

сяч часов...

Ведь, в принципе, недавно, в 1993 году, пара ракетоносцев Ту-22М2 под его командованием выполнила ряд демонстрационных полетов над островом Змеиный, и после этого показа воздушной мощи Украины как-то сам собой решился вопрос о государственной принадлежности этой территории. Так «Бэкфайры» послужили уже новой Украине. Но «молодая демократическая страна» ответила предательством на верность. «Незалежных» чинуш больше интересовал дележ власти, а не укрепление мощи государства, за которое они были в ответе...

Все, что мог полковник Верескун, – это создать Музей Дальней авиации, уникальными экспонатами которого стали крылатые великаны – Ту-160, Ту-95МС и, конечно же, «Бэкфайр» вместе со своим «младшим братом», ракетоносцем Ту-22. Так они и стоят в экспозиции музея вместе с другими самолетами – немым укором «самостийной» бесхозяйственности и продажности.

Так и остался аэродром без самолетов... Правда, с недавнего времени здесь базировались два транспортных самолета МЧС, передислоцированных сюда волевым решением Киева. Но это была скорее вынужденная мера, дабы не дать уникальному аэродрому, полоса которого способна принимать даже тяжелые транспортные самолеты типа Ан-124 «Руслан», окончательно захиреть.

Но сейчас, в связи с учениями, аэродром срочно приво-

дился в «божеский вид». Еще бы, шутка ли, Россия присылала сюда тяжелый стратегический ракетоносец Ту-95МС и два новейших «Бэкфайра» – Ту-22М4. Поэтому тут и творилась такая кутерьма. Ну, хоть что-то хорошее.

Зайдя к себе в кабинет, директор занялся накопившимися бумажными делами. Бумажную текучку прервал телефонный звонок.

– Алло, Валерий Валентинович, дежурный по в/ч вас беспокоит. Зайдите, пожалуйста, в штаб.

– Сейчас буду.

В штабе его встретили командир части, начштаба и незнакомый офицер Воздушных сил в чине подполковника, видимо – инспектор из Киева.

– Здравия желаю, товарищи офицеры, по какому поводу вызвали?

– Да вот хотим порадовать вас, Валерий Валентинович.

– Интересно, чем?

– Скоро к нам из России прилетают Ту-95МС и два «Бэкфайра». Что, если вам продемонстрировать пилотаж на российском Ту-22М4?

– Так я же... Я же не летал сколько... – растерялся Верескун.

– Ничего, такое не забывается, – хлопнул его по плечу командир части. – Давай, Валентин, покажи класс!

– Хорошо, но у нас нет тренажерного комплекса.

– У тебя же есть «Бэкфайр» в экспозиции? Открывай ка-

бину, садись и вспоминай. В принципе, я не думаю, что твои навыки летчика экстра-класса пострадали от долгого перерыва, да и на «Элке»⁴ ты полетываешь.

– Считайте себя временно мобилизованным, – подал голос незнакомый подполковник. – Ваше выступление уже включено в торжественную программу встречи. В принципе, ничего экстраординарного делать вам, товарищ полковник, не придется. Всего-то – взлететь, выполнить пару простых эволюций в воздухе и совершить посадку.

– Я согласен.

* * *

– Кто у нас будет? Мальчик или девочка?

Олег обнял жену и осторожно положил свою ладонь на ее заметно округлившийся животик. Оксана нежно поцеловала мужа.

– Пока это – сюрприз. Я сделала УЗИ, но результаты будут только на следующей неделе. Олежек, а ты кого больше хочешь, мальчика или девочку?

– А ты?

– Ну, так нечестно, я первая спросила, – надула губки Оксана.

– Если будет сын, то я научу его летать, подарю ему небо...

⁴ «Элка» – на жаргоне летчиков – чешские учебно-тренировочные самолеты L-29 и L-39.

– А если все-таки родится девочка?

– Я буду носить вас обоих на руках!

– Ой, какой ты хитрющий, Олежка.

– Любимая моя...

– А скоро нам квартиру дадут, вот заживем!

– Да, в штабе обещали. Вот учения пройдут, и сразу – квартира, звание. Денежное довольствие увеличат.

– И станешь ты грозным генералом, а я генеральшей, – промурлыкала убаюканная в сильных объятиях мужа Оксана. – Олежек, какой же ты все-таки у меня замечательный... Хоть и упрямый.

Олег тихо вздохнул. Любимая, знала бы ты, каких трудов стоило создать этот душевный уют... Хотя многие завидовали ему, считали везунчиком, еще бы – классный летчик, сумел «устроиться в жизни», бывал в заграничных командировках, живет в свое удовольствие... Единственное, в чем ему повезло, так это в людях. Постоянно на его нелегком жизненном пути встречались те, кто ценил не показную мишуру, а дело. И где все остальные «паркетные» генералы и начальники видели в Олеге Щербине источник неприятностей, эти немногие сумели разглядеть сильную, целеустремленную личность. И помогали ему, чем могли.

Олег Щербина отличался прямодушием, которое часто выходило ему боком. Трудно нормальному человеку жить в стране, превращенной в морально убогую колонию «звездно-полосатых» штатов. В большинстве людей убили мечту,

здесь ценилось только одно – «бабки».

Он хотел летать – на него смотрели как на идиота. Он осмелился иметь свое собственное мнение, отличное от других, – и толпа посредственностей сделала его посмешищем, не понимая, что смеется над собой. Олег, чтобы не слышать этих насмешек, слишком рано замкнулся в себе. Книги стали его лучшими друзьями. Нет, он не стал «ботаником» или книжным червем. Но он слишком рано понял, что в этом мире нужно быть сильным, записался в секцию карате, занимался упорно и в старших классах не раз использовал «искусство пустой ладони» против тех, кто привык все решать кулаками.

Нужны были деньги на полеты и прыжки в аэроклубе – Олег подрабатывал на стройке, а по ночам писал рефераты и делал переводы.

И все-таки он поступил в Харьковский университет Воздушных сил имени Ивана Кожедуба на авиационный факультет. Хотя это оказалось не так уж и сложно, ведь вместе с ним поступило всего четыре человека – делать карьеру офицера в государстве кривых зеркал, где более всего ценится показуха и лицемерие, – занятие бессмысленное. Но он и тут не сдался.

Топлива на полеты отпускали – слезы. И он снова пошел работать, чтобы наскрести деньги не на еду, нет – на драгоценный, в прямом смысле слова, керосин. Подготовка на L-39 он сдал досрочно. На третьем курсе начали

осваивать программу боевого применения на истребителе МиГ-29. Курсантам дали «аж»... четыре провозных полета на учебно-тренировочной «спарке» МиГ-29УБ. Командование украинских «Повитряных сил» ввело еще одно «новшество» – конкурсный отбор для курсантов, желающих пройти полный курс обучения на МиГ-29, а требования выставили такие, что и бывалые инструкторы за головы хватались. Естественно, со всех курсов института туда попали всего восемь человек – «мальчишки-мажоры» в погонах – сынки генералов и прапорщиков «незалежной» армии – и курсант-отличник Щербина. Программу на МиГ-29 он вылетал «от А до Я».

С распределением ему повезло – попал служить в Миргород на истребители Су-27, переучивался уже в полку. Но опять же топлива выделяли, как выразился один из летчиков, «только на рулежки». А после трагедии в Скнилове, когда во время проведения авиашоу на зрителей упал двухместный учебно-боевой Су-27, вообще полеты зарубили. Так теперь и служили – «равняйсь-смирно», а полетов – хрен да ни хрена.

Молодого старлея Щербину это не устраивало. Можно было, конечно же, уволиться, но он избрал другой путь и уехал по контракту в Эфиопию офицером-инструктором. Там он испытал такие «прелести», как тропическая лихорадка и дизентерия, его даже укусила какая-то местная змея, и он неделю пролежал в реанимации в горячке на грани жизни и смерти.

Но и летал он там как никогда. Олег буквально жил в воздухе. Не слишком богатая страна тем не менее на своей безопасности не сэкономила, в отличие от далекой Родины. Недавно Эфиопия приобрела в России партию из десяти новейших истребителей Су-27СК и Су-30МКИ, и Олег вместе с инструктором из Липецкого центра боевого применения авиации, который тоже работал по контракту, принялся за нелегкое и неблагодарное дело переучивания «черных братьев по разуму» на новейшую авиатехнику.

Бывало всякое, но Олег имел уникальную возможность освоить эти замечательные многоцелевые истребители. По сравнению с украинскими «Су» они вообще казались кораблями пришельцев. Еще бы – двигатели с управляемым вектором тяги, новый локатор с возможностью применения управляемых ракет «воздух – поверхность», жидкокристаллические дисплеи вместо стрелочных приборов. Не самолет, а сказка! И выжимали летчики из этих машин все, что только можно, и чуточку того, что нельзя. Два года, проведенных здесь, пролетели незаметно, а летная книжка Олега была сплошь и рядом исписана номерами тактических упражнений и невероятным для украинского летчика количеством проведенных в воздухе часов.

Возвращение на Украину было как ведро помоев, вылитое прямо в лицо. Олег бы и сломался, если бы рядом не было Оксаны. Трудно представить, что встречаются еще такие девушки. Впрочем, здесь, в сердце Украины, и девичьи сердца

были не изъедены в большинстве своем червоточиной корысти и расчетливости.

Оксана что-то напевала вполголоса, какую-то мелодичную народную песню. Выросшая в селе на Полтавщине, она знала их очень много.

Щербине нравились украинские песни и украинский язык, мягкий и мелодичный, передающий малейшие оттенки чувств. «Я тебе кохаю, моя квітонько!» – как нежно и певуче звучит признание в любви на этом удивительном славянском языке. А песни Софии Ротару: «Червону руту не шукай вечорами...»

И его просто коробил тот «американский украинский» язык, который потоками грязи лился с телеэкранов и прямых эфиров радиостанций. Какие-то тупые заимствования и словообразования: «мапа» (карта) – от английского map, «міліціант» вместо милицейский, «шпиталь» – госпиталь. Верхом маразма был подстрочный украинский перевод русскоязычных фильмов во всех без исключения кинотеатрах.

Ну, да ладно... Черт с ними.

Олег чмокнул жену в щечку.

– Ну, что, солнышко?

– Олелек, давай позавтракаем и пойдем погуляем.

– А ты что, еще ничего не кушала? Так же нельзя.

– Успокойся, – я чая попила, а есть и действительно не хотелось.

– Ну, хорошо, что у нас на завтрак?

Глава 2. Геостратегическое планирование

– Итак, господа, какие будут предложения?. Сидящий во главе массивного дубового стола благообразный старичок производил впечатление человека, которого интересуют исключительно семейные ценности, а интерес к политике ограничивается лишь утренним просмотром «Нью-Йорк таймс» за утренним кофе с недорогой сигарой. Но первое впечатление, как известно, обманчиво.

Збигнев Кшесинский был игроком, великим геостратегическим игроком, и своей шахматной доской он считал весь мир. Но не так давно у гроссмейстера появился достойный противник в лице нового руководства России. Эта страна хоть и потеряла многое, но все же более-менее успешно пережила тот хаос, в который вверг Кшесинский бывший Советский Союз. Это он стоял за спиной у президента США Рональда Рейгана, это его речь читал бывший киноактер, назвав СССР «Империей зла».

Но русский медведь в очередной раз доказал свою волю к жизни, снова набрал силу и уже успел потрепать свору горных шакалов во главе с «пожирателем галстуков». Нет, Белоголовому орлу и Хозяину тайги вместе не ужиться. И ставка на тех, кто не ест свинину, себя не оправдала – слишком уж те горды и неуправляемы, слишком они чтят силу. А си-

лы у Америки все же не безграничны.

Что ж, можно сделать ставку на тех, кто эту свинину любит. Правда, они глупы и алчны, как и сами представители парнокопытных, но... Как сказал один из президентов, «маємо те, що маємо».

Сейчас за этим столом собралась управленческая элита Соединенных Штатов: главы корпораций, банков, наиболее реакционные генералы-«ястребы». Их власть над миром была практически безграничной. И все они мечтали полакомиться медвежатиной, желательно с кровью...

– Нагнетание напряженности на Ближнем Востоке себя не оправдало, слишком уж фанатичным оказалось местное население, причем практически поголовно, от мала до велика. Они слишком привержены своим примитивным ценностям, что поделать...

Америка в ходе кризиса потеряла изрядную долю экономического и силового влияния в мире, чем тут же воспользовалась Россия, сплотив вокруг себя своих старых и новых геополитических партнеров. Рост стабильности в мире, основанной на гарантиях России как субъекта мирового права, принесет нам только убытки, – трехзвездный генерал Коннор Макмиллан словно читал лекцию в Вест-Пойнте. – Однако у нас есть шанс переломить ход глобальных процессов в свою пользу. Украина сейчас представляет собой плацдарм нестабильности, и этот плацдарм находится, между прочим, в центре Европы. Взяв в свои руки управление кризисом в

этом регионе, мы снова сможем диктовать свою волю.

Кшесинский заинтересованно посмотрел на генерала. Определенно, тот казался не таким уж дубовым служакой, каким его привыкли считать. Стоило взять это на заметку.

– В апреле у нас запланированы совместные учения с русскими в Полтаве. В них будут участвовать русские бомбардировщики, оснащенные новым высокоточным ударным комплексом. Неплохо было бы воспользоваться случаем и подставить медведю подножку. Может, зверюка шлепнется на свой волосатый зад, – вертя в пальцах «Паркер» с золотым пером, сказал референт Эдвард Митчелл. – И выяснить устройство этого комплекса, а то и заполучить его. В создавшейся ситуации это будет достаточно просто сделать.

– Смотрите, Эд, чтобы медведь, шлепнувшись, не придавил вас своим волосатым задом.

Бывший сотрудник Восточного отдела ЦРУ остался невозмутим.

– Материалы я вам подготовил.

– Ну что, господа, – Кшесинский откинулся на спинку кресла, – будем действовать по всем этим направлениям. Мы вырвем у медведя его клыки.

Глава 3. Приметы грядущей беды

Два истребителя Су-27 с ревом прошли над полосой и, выполнив разворот, начали снижаться по глиссаде. Чиркнули по бетону пневматики основных «ног» шасси, истребители опустили свои острые носы. Хлопнули, раскрывшись, оранжевые купола тормозных парашютов.

Звук двигателей поднялся на высокие ноты, а потом опал. Олег прогрохотал ботинками по дюралевой стремянке и спрыгнул на бетон. К нему подошел Юра.

– Разрешите получить замечания?

– Нормально. Иди отдыхай.

– Олег Николаевич, распишитесь, – техник самолета подал ему журнал технической готовности. – Как машина?

– На «пять с плюсом», спасибо, Павел Филиппович.

Летчики направились к группе офицеров, стоявших на самом краю стоянки возле пожарного щита.

– Привет, ребята.

– Здорово, Олег, огня не будет? – обратился к Щербине замкомэска Александр Чернов.

– Так я ж курить бросил.

– О, а я и забыл, – летчик чиркнул протянутой кем-то зажималкой и выпустил облако дыма.

В это время Женя Васильев, весельчак и балагур из первого звена, завладел вниманием летчиков, рассказывая оче-

редную байку:

– Ой, мужики, как я в отпуске лажанулся... Поехал я, значит, к себе домой, а у нас в городе аэроклуб – первая моя «альма-матерь». Приехал же такой, весь на понтах, на мундире летном капитанские погоны звездочками сияют, в багажнике два ящика водки позвякивают.

– Герой, нарисовался – хрен сотрешь, – прокомментировал кто-то из летчиков.

– Во-во, точно, – согласился Женя. – Ну, и попросили меня на Ан-2 парашютистов выбросить.

– А их летчик что?

– Летчикам как раз прыгать надо было, у них плановая парашютная подготовка.

– Летчик покидает самолет только тогда, когда лететь страшнее, чем прыгать, – усмехнулся Алексей Лазарев.

– Леша, не перебивай. Так вот, сел я на левую «чашку» нашей «Аннушки» – все как всегда: «На борту двенадцать, карабины зацеплены, баки – сумма...» Взлетели, выброска прошла успешно. Иду на посадку, строю «коробочку». Снизился и по привычке докладываю: «На четвертом, *шасси выпустил*, разрешите посадку». На что руководитель полетов мне отвечает: «Не переживайте, товарищ капитан, шасси за вас выпустил Олег Константинович Антонов в 1947 году!»

Летчики разразились безудержным смехом:

– Ну ты дал, Жека! «На четвертом, шасси выпустил»! Истребитель, елки зеленые!

Внезапно летчиков привлекла подъехавшая к аэродромной стоянке белая «Волга». Оттуда вышел заместитель командира полка по воспитательной части, а рядом с ним... О-о-о! Летчики синхронно повернули головы.

Рядом с «замполитом» стояла высокая худощавая блондинка в военной форме. Она внимательно посмотрела в сторону летчиков, по ее тонким губам скользнула легкая улыбка. Откинув грациозным жестом волну белокурых волос, она обернулась к подполковнику и что-то ему сказала. Небрежно отмахнувшись от его слов, она направилась к летчикам.

– Ох, как идет...

– Да я б ей... – замороженно смотрел на девушку Юра.

– Ну, ты бы с ней... А дальше что? – охладил его пыл замкомэска. – Запомни, Юрка, поведешься на такую, а потом она из тебя все жилы вытянет и кровь выпьет.

– Во-во... – подтвердил Олег.

– Нет, но посмотрите, как идет, словно ласточка...

– Ага, скорее гарпия...

Девушка подошла к летчикам. Ближе она оказалась еще сексуальнее, и форма капитана медслужбы только подчеркивала ее ухоженную фигуру. Но голубые глаза смотрели на летчиков холодно, а вежливая улыбка была строго дозирована.

«Точно, гарпия. Молодая, знающая себе цену и жаждущая свежей крови», – подумал Олег.

– Разрешите представиться, капитан медицинской служ-

бы Марина Миронова, – щелкнула каблучками изящных, явно не форменных полусапожек.

– Здравия желаю, – представился замкомэска майор Чернов. Потом представил остальных летчиков.

– Очень приятно, в ближайшие дни мы с вами будем видеться очень часто, – улыбнулась она. – Меня направили в вашу часть для проверки психологического состояния личного состава.

Летчики переглянулись – вот тебе и «первая ласточка». Но это было только началом. Из подъехавшего следом «уазика» выскочил солдат.

– Замкомэска и командиров звеньев вызывают в штаб. Срочно.

* * *

В штабе командир полка огорошил летчиков еще одной новостью.

– Позвольте представить – полковник Тарас Плющ, инспектор по летным кадрам. В рамках подготовки к предстоящим учениям он намерен провести у нас в части инспекцию.

– Панове офіцери, будемо знайомі. Всі, хто бере участь у вченнях, мають підтвердити свій професійний рівень⁵.

Полковник Плющ изъяснялся исключительно «держав-

⁵ Господа офицеры, будем знакомы. Все, кто принимает участие в предстоящих учениях, должны подтвердить свой профессиональный уровень.

ною мовою», но делал это несколько коряво. И вообще, по манере поведения он скорее напоминал прапорщика, а не офицера. Собственно, так оно было.

До распада Союза и развала армии он заведовал складом материально-технического имущества на аэродроме Васильков. В новых Вооруженных силах «независимой» Украины ощущался острый дефицит командного состава. Несмотря на обещанные высокие звания и золотые горы для тех, кто примет украинскую присягу, многие офицеры увольнялись в запас. Для настоящих офицеров присяга одна на всю жизнь. Поэтому на командные должности брали всех, присваивая на одно-два звания выше.

Так получилось и с новоиспеченным «офицером» Тарасом Плющом. Пару месяцев после присвоения ему звания старшего лейтенанта он пытался пройти летную практику в Чугуеве. Но с этим дело не заладилось. Плющ кое-как освоил полеты по кругу с инструктором на учебно-тренировочной «спарке» L-39. Но в первом своем самостоятельном вылете он после взлета умудрился перевести двигатель на режим малого газа, вместо того чтобы убрать закрылки. Бедная «Элка» пропахала носом борозду возле взлетной полосы. Мозг прапорщика получил сотрясение, хотя чего там было сотрясать... На этом блестящая летная карьера нового офицера Воздушных сил Украины была завершена. Но в этом «государстве кривых зеркал» профессиональный рост, к сожалению, зависел не от профессионализма, а от способности це-

ловать под хвост таких же посредственностей, стоящих на несколько ступенек выше в общей иерархии лжи и тупости.

Тарас Плющ исправно подносил «презенты» начальству, составлял оптимистичные доклады о сокращении парка авиатехники и летного состава, приторговывал квартирами из летных городков и имуществом из воинских частей. И исправно получал новые погоны и соответствующее материальное довольствие, дослужившись до должности летного инспектора.

– Первым в инспекционный полет отправится командир звена капитан Щербина.

После официальной части командир части лично вызвал Олега к себе в кабинет.

– Геннадий Викторович, что случилось? Почему нам назначают новые проверки, ведь кандидатов для участия в учениях и так отбирали тщательно?

– Олег, я и сам всего не знаю, – полковник Михайлов ценил Щербину за его летные и человеческие качества и был с ним откровенен. – Я недавно был в Киеве, там вообще все с ума посходили, политики грызутся за власть, военные тоже пытаются отхватить кусок пожирнее. Об одном тебя прошу, Олег: обойдись в этом вылете без обычных твоих фортелей. Я сам ненавижу таких лизоблюдов, как этот «подпол», но нужно все это перетерпеть. И доведи до своих подчиненных, они у тебя парни молодые, горячие.

– Товарищ командир, не переживайте, я вас не подведу.

Полет с проверяющим – как в парк с тещей сходить: сплошные аттракционы и никакого удовольствия. Примерно такие чувства испытывал Олег, пилотируя Су-27УБ с полковником Плющом в задней кабине. За их полетом наблюдал комполка, и Щербина намеревался сдержать обещание.

Управлял самолетом он очень плавно, избегая резких маневров и больших перегрузок, благо истребитель был так же прост в управлении на малых скоростях, как и на других режимах полета.

– Ну что же вы, пан капитан, словно с барышней танцуете, покажите, будь ласка, настоящий пилотаж, – не унимался инспектор.

– Пан подполковник, согласно инструкциям и во избежание летных происшествий существенно ограничен пилотаж с максимальными перегрузками. Виноват, пан полковник.

– И как же вы, пане капитан, собираетесь защищать суверенное небо Украины?

Олег скосил взгляд на красный рычаг принудительного катапультирования из второй кабины. Больше всего на свете ему сейчас хотелось выбросить эту лживую, лицемерную суку из задней кабины. Вот мразь! Была б его воля, и Щербина припомнил бы ему и Скнилов, и отсутствие топлива, и бардак в армии из-за таких вот «Плющей».

Но пан «подпол» услышал в наушниках летного шлема только то, что должен был слышать:

– Украина – мирная держава, и мы полностью полагаемся на сочувствие мирового сообщества, пане инспектор.

«На обиженных воду возят, а еще на них балконы падают, и еще с ними злые дядьки творят мерзкие вещи. А считаются только с сильными, а не страдающими комплексами национального иждивенчества», – подумал Олег.

– Да, вы абсолютно правы, капитан. Заходите на посадку.

– Есть. Ручей, я – 801-й, на четвертом, шасси выпустил.

Посадка?

– Восемьсот первому посадку разрешаю.

На аэродромной стоянке их уже ждал комполка.

– Ну, как слетали?

– Хорошо слетали, товарищ полковник, – ответил инспектор. – У вас, пане полковнику, очень хорошие летчики. Правда, несколько зажатые и чересчур полагающиеся на инструкции. Надо бы вам в них инициативу воспитывать.

Полковник Михайлов, который после учебных воздушных боев с «безынициативным формалистом» Олегом вылезал из кабины Су-27 мокрый от пота, да так, что комбинезон выкручивать можно было, лишь улыбнулся:

– Четкое следование инструкциям – для нас самое главное в летной работе.

Олег тем временем обернулся и показал кулак хихикающим летчикам:

– Не вздумайте чудить, черти!

Остальные полеты, несмотря на волнение полковника, да и Олега тоже, прошли как по писаному. Ребята старались и пилотировали сверхманевренные истребители, словно это были учебные бипланы У-2 тридцатых годов. После всего этого «авиашоу» полковник Михайлов вызвал всех летчиков к себе кабинет.

– Мужики, нужно скинуться, – по-простому сказал он.

– На что? – не понял поначалу замкомэска.

– На кабак и б...дей для проверяющего, – догадался Олег. – Виноват, товарищ полковник.

– Да чего уж «виноват», все ты правильно сказал, – тяжело вздохнул командир. – Ей-богу, ребята, мне вам в глаза смотреть совестно. Но этот «Геринг» нас иначе задолбает.

– Понятно, чего уж там...

– А кого в собутыльники ему назначим?

– Нашего демократа-замполита. Хоть какой-то с него толк будет.

Вопрос с «культурной программой» для инспектора был решен, но это было не единственное испытание сегодня для Олега и остальных летчиков.

* * *

После полетов всех летчиков собрали в Доме офицеров, в последнее время военное руководство Украины возроди-

ло благополучно подзабытую традицию проведения политинформаций. Все бы ничего, военно-патриотическое воспитание в армии необходимо. Но делалось это прежними со-вдеповскими методами, теми же самыми, уже изрядно по-истаскавшимися замполитами или их выкормышами – молодыми, розовощекими полковничками, которые, наворовав для себя, теперь «учили жить» других.

В их части был такой, заместитель командира полка по воспитательной работе полковник Николай Николаевич Бут. По-украински получалось: «Мыколай Мыколаевич», и острословы-летчики сразу же придумали ему кличку «Смык-Мык», а по аэродрому и за его пределами пошла гулять поговорка «Где Бут – там... гм... весело».

Тем более что разговаривал новоявленный «замполит» только «державною мовою», но с таким акцентом и на таком суржике⁶, что Верка Сердючка «и рядом не валялась». Тем не менее он считал себя истинным демократом и ярым приверженцем «оранжевого» Президента. Его терпели как неизбежное зло, поступая по принципу «не тронь г... – вонять не будет». Кроме того, это позволило командиру полка рапортовать в Киев о важной патриотической работе, проводимой среди офицеров части, оставаясь на хорошем счету у командования. Как говорится: «С паршивой овцы хоть шерсти клок».

⁶ Суржик – смесь украинских и русских слов, характерная для юго-восточных областей Украины.

Пока шел нудный доклад «замполита», летчики занимались кто чем: кто-то спал в кресле, кто-то играл на мобильном телефоне или слушал музыку, воткнув наушники-бусины. Олег украдкой читал книгу, но поневоле прислушивался к речи докладчика. Спрятав маленький том в мягкой обложке, он посмотрел на полковника.

«Замполит» напоминал Брежнева в годы «застоя»: «Я – жених! Я – жених! Я же них... не понимаю!» Тема доклада в преддверии учений была наиболее актуальной, хотя и несколько избитой: «Украина и НАТО». По словам докладчика, выходило, что блок НАТО создавался чуть ли не для поддержки молодого Украинского государства. Полковник Бут распинался с трибуны о «прозрачности» армии и усилении гражданского контроля над Вооруженными силами Украины, естественно, все это при содействии «дружественного» блока НАТО.

О том, что при содействии и прямо-таки пламенной поддержке специалистов НАТО здесь же, в Полтаве, американцами были порезаны стратегические бомбардировщики, о том, что согласно прямым американским директивам уничтожаются мобильные и переносные комплексы ПВО, о том, что деградируют Военно-морские силы Украины, докладчик скромно умолчал.

Боже, как надоело слушать эту ахинею! Это даже уже и не ложь отмороженной кучки воров при власти – просто шизофренический бред! Это напоминало поведение вождей Тре-

тьего рейха, от которых недалеко ушли «оранжевые демократы». Советская армия уже вела бои в Берлине, а Геббельс орал о «чудо-оружии» и «неминуемом возмездии». Так и сейчас. Вооруженных сил, считай, нет, техника стареет, как и люди. В армии – беспредел. Сейчас Украина занимает 13-е место в мире по численности Вооруженных сил и только «почетное» 126-е место по финансированию. Но зато по количеству генералов-дармоедов на тысячу военнослужащих мы – первые в Европе.

Олег улыбнулся, вспомнив, как на одном из первых таких собраний доконал пана полковника своими историческими познаниями. Тогда Николай Николаевич Бут взялся рассказывать летчикам об истоках украинской государственности и украинской символике. Дескать, сине-желтый цвет государственного флага – это символы неба и пшеницы, а изображение на гербе трезубца символизирует триединство Божественных ипостасей – Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Святого Духа.

Но эту стройную концепцию очень быстро разрушил Олег Щербина. Дело в том, что синий и желтый цвета – это геральдические символы Шведского королевства. В ходе Северной войны 1700 года казакам гетмана Ивана Мазепы, который перешел на сторону шведского короля Карла XII, были пожалованы эти цвета как знаки различия. Сечевые же казаки в походы ходили под хоругвями красного цвета. Что же касается изображения трезубца, то это родовая печать, так на-

зываемая «тамга», древнего рода Рюриковичей – и к истории государственности Украины не имеет никакого отношения. А все потому, что символы украинской «державности» разрабатывались украинскими эмигрантами канадской диаспоры, что называется, «на скорую руку».

Тогда полковник Бут крепко сел в лужу, особенно когда Олег упомянул о Большом украинском гербе, о котором горе-демократ в погонах даже и не знал.

Щербина вздохнул и вновь погрузился в чтение.

* * *

Но на этом злключения летчиков не закончились. После набившего оскомину унылого и бесталанного выступления докладчика летчиков отправили в медсанчасть на собеседование с психологом. Олег очень удивился, ведь психологические тесты никогда не назначаются на конец дня, потому что человек к вечеру элементарно устает, у него рассеивается внимание, подводит память. Поэтому психотесты рекомендуется проводить с утра.

Дождавшись своей очереди, Щербина шагнул в кабинет. Госпожа психолог восседала в кресле, закинув ногу за ногу. Олег невольно скользнул взглядом по ее фигуре – хороша стерва...

– Здравствуйте, пане капитан.

– Здравия желаю.

Психолог откинулась в кресле, так что идеально сидящая форма обрисовала ее грудь. Она очаровательно улыбнулась.

– Капитан Щербина, на сегодня я не планировала никаких психологических тестов. Просто хотелось пообщаться с летчиками, узнать о них побольше...

– Ну и как, узнали?

– К сожалению, ваши коллеги оказались не слишком разговорчивы. Кстати, почему бы нам не перейти на «ты»? Можете называть меня просто Мариной.

– Поймите, капитан, да вам, как специалисту, это и так должно быть понятно – люди устали после инспекционных полетов, – Щербина проигнорировал ее вопрос.

– А вы, капитан? Устали? Может, вам сделать массаж?

Психолог подошла сзади к Олегу и начала массировать ему плечи.

– Нет уж, спасибо за заботу, товарищ капитан, – Щербина повел плечами. – Я считаю, что вам не стоит заходить так далеко в благородном желании помочь человеку.

Фемина убрала руки и вернулась на свое место. Олег внимательно следил за ее реакцией, и в глубине его чуть прищуренных глаз скрывался насмешливый огонек. К своей профессиональной чести, Марина Миронова быстро взяла себя в руки. Она чувствовала, что этому грубоватому капитану удалось ее переиграть. Такие случаи были вопиющим исключением, ведь она всегда добивалась своего, сочетая обычные женские уловки и тонкие психологические приемы. Но все

хитрые премудрости оказались бессильны перед волей, жизненным опытом и хладнокровием летчика.

«Ладно, – Марина почувствовала, как изнутри накатывает волна ледяного бешенства. Чтобы справиться с собой, она пододвинула к себе листок и стала что-то черкать на нем. Подняв глаза, она уловила тот самый насмешливый огонек во взгляде. – Ну, ладно, мы еще посмотрим, чего вы добьетесь, товарищ капитан...»

– Что-то еще, товарищ капитан? – вежливо осведомился Щербина.

– Нет. Можете быть свободны, завтра перед полетами я проведу с вами и с вашими летчиками серию психологических тестов.

– Честь имею.

На следующий день на предполетной медкомиссии капитан-психолог Миронова подвергала летчиков различным заумным головоломкам, но офицеры, наученные горьким опытом прохождения врачебно-летных комиссий, знали уже, как нужно отвечать, чтобы их ответы врачи не трактовали двояко. Собрав исписанные листочки, капитан удалилась, а летчики, получив от врача допуск на полеты, быстро побежали к автобусу, который отвозил их на аэродромную стоянку.

* * *

Единственным, кто не прошел предполетный медосмотр,

был полковник Бут. После бурной «культурной программы», проведенной прошлой ночью с «паном инспектором», его мутило и выворачивало наизнанку. Ну а полковника Плюща после вчерашнего так «плющило», что он остался в номере офицерского общежития, благоухавшего продуктами жизнедеятельности инспектора.

Олег двинул рычаг управления двигателем назад, сбавляя обороты турбин, и глянул на высотомер. Заданный эшелон занят, теперь нужно было запросить руководителя полетов о выполнении задания.

– Ручей, я – 801-й, восемь тысяч занял. Задание?

– Восемьсот первому – возврат на «точку».

Щербина недоуменно уставился на приборную панель, как будто стрелки и циферблаты могли ответить ему на единственный вопрос: «Какого хрена?»

– Ручей, повторите, канал забит помехами.

– Восемьсот первый, прекратить задание. Возвращайтесь на аэродром. Как поняли меня, прием?

– Вас понял, возвращаюсь.

Вот черт! Щербина заложил крутой вираж. Да что они там, с ума посходили?!

Су-27 чиркнул пневматиками по бетонке, хлопнули, раскрывшись, тормозные парашюты. Истребитель зарулил на стоянку, где Олега уже ждал служебный «газик». Вестовой, увидев летчика, вытянулся по стойке «смирно».

– Капитан Щербина, вас вызывают в штаб.

– Поехали, – мрачно бросил летчик.

Выражение лица капитана было такое, что оперативный дежурный части отшатнулся от него. Войдя в кабинет полковника Михайлова, Олег вытянулся по стойке «смирно».

– Товарищ полковник, капитан Щербина, прервав тренировочный вылет, по вашему приказанию прибыл.

Геннадий Викторович вышел из-за стола и устало махнул рукой.

– Олег, не ерпенься. Присаживайся. На вот, прочти, – сказал он, протягивая машинописные листки, скрепленные степлером.

– Что это?

– Заключение психологического тестирования летчика первого класса капитана Щербины.

– Так-так... – Олег просматривал листки. – «Склонность к немотивированному риску. Агрессивен. Низкий самоконтроль и субъективная оценка опасности». Прямо маньяк какой-то?!

– Чем ты ей не угодил?

– Да вроде все нормально...

– Отшил? – догадался полковник.

Олег молча кивнул.

– Да-а... И это перед самыми учениями.

– Геннадий Викторович, да сколько ж можно-то, а?! – не выдержал Щербина. – Я еще с этой озабоченной дурой не раскланивался!

– Послушай, Олег, ситуация действительно скверная. Мне вчера звонили из Киева, хотели прислать сюда комиссию по гражданскому надзору за армией. Я от них еле отбил. Пришлось даже позвонить кое-каким людям в Генеральном штабе. В столице назревает какая-то беда, и, боюсь, мы окажемся в водовороте событий.

Олег удивился – а ведь командир полка вовсе не так и прост, как кажется. Тем более имеет связи на самом верху. Наверное, именно из-за высоких покровителей в армейском командовании их авиационную часть не тиранили постоянными инспекциями и проверками. И позволяли более-менее нормально служить, с оглядкой, конечно, на нынешние времена и проблемы. Надо бы повнимательнее прислушаться к его словам, Батя плохого не посоветует.

– В общем, что будем делать?

– Товарищ полковник, я считаю, что убеждать ее в чем-то бесполезно. Такие, как капитан Миронова, желание пойти на компромисс воспринимают как проявление слабости. Лучше будет, если вы жестко потребуете от нее не вмешиваться в летную подготовку, да еще и упомянете, что по ее вине было сорвано выполнение полетного задания. Такие, как она, боятся брать на себя ответственность.

– Ну ты и рассказал! Хотя я так и сделаю.

– У меня жена – психолог.

– Я сейчас ее вызову, а ты подожди за дверью.

– Есть.

По коридору, цокая каблучками, прошла Марина Миронова, окатила Щербину холодным взглядом, скрылась за дверью кабинета полковника Михайлова. Олег, не удостоив ее внимания, отвернулся к стене, разглядывая план эвакуации из здания. Через некоторое время дверь открылась, на пороге стоял хозяин кабинета.

– Капитан Щербина, войдите, пожалуйста.

– Слушаюсь.

Капитан Миронова сидела у стола полковника, нервно тербя уголок листка с отчетом по психотестам. Она метнула на Щербину злой взгляд и тут же отвела глаза.

– Товарищ капитан, ваши данные психологического тестирования будут пересмотрены и уточнены, – ровный тон полковника не содержал и намеков на эмоции. – В дальнейшем будем считать этот инцидент исчерпанным.

Глава 4. Воспоминания

Так, ручку на себя, увеличить обороты двигателя, меняем стреловидность крыла. Проконтролировать обороты двигателя по тахометру... Полковник Верескун сидел в командирском кресле бомбардировщика-ракетоносца Ту-22М2. Этот самолет был именным и входил в экспозицию Музея Дальней авиации.

Тем не менее все приборы в кабине, за исключением, разумеется, секретных, были сохранены. А пустые гнезда аккуратно закрыты пластиковыми панелями. Крылатые экспонаты музея хранились с трогательной заботой, ведь они были не только частью истории – они были частью летной судьбы тех, кто пилотировал эти уникальные самолеты.

Перед глазами же Валерия Валентиновича Верескуна проносились совсем иные картины. Вот он ведет свой краснозвездный ракетоносец над бушующей Атлантикой, а где-то там, внизу, укрывшись непогодой, словно шапкой-невидимкой, крадется туша атомного авианосца «Энтерпрайз». И нужно его обнаружить во что бы то ни стало.

А вот солнце над Каспием слепит глаза через защитные светофильтры летного шлема. И потом доклад штурмана: «Пуск произвел, ракета пошла!» И яркое южное солнце меркнет в нестерпимом сиянии двигателя ракеты, на скорости 3740 километров в час уносящейся к цели, которая вид-

на лишь как метка на экране локатора штурмана.

* * *

«Бэкфайры» успели вписать памятные страницы и в новейшую историю Украины. В 1993 году Румыния выдвинула Украине территориальные претензии по поводу острова Змеиный. На шельфе возле него было обнаружено богатое месторождение нефти, и сопредельная страна была не прочь прибрать к рукам такое богатство. Дипломатические методы разрешения пограничной проблемы не дали никаких результатов.

И тогда с полосы полтавского аэродрома на факелах форсажного пламени поднялась пара ракетносцев Ту-22М2, и вел ее командир 185-го гвардейского Кировоградско-Будапештского Краснознаменного тяжелобомбардировочного авиаполка Валерий Валентинович Верескун. Пара «Бэкфайров» с боевой подвеской на пилонах несколько часов барражировала над островом Змеиный. После такой внушительной демонстрации мощи вопрос о территориальной принадлежности острова и прилегающего шельфа уже не возникал.

Ту-22М2 побывали и на авиашоу на английской военной базе Фейерфорд. И хотя в полетах полтавский экипаж не участвовал, интерес к этому самолету был огромен. «Бэкфайр» и на стоянке собрал немало восторженных откликов и специалистов, и просто любителей авиации.

Прилетали на полтавский аэродром и «гости» – американские стратегические бомбардировщики-ракетоносцы – знаменитые В-52 «Стратофортресс» и В-1 «Лансер». Американские летчики поостереглись летать над незнакомым аэродромом, а вот полтавчане показали класс! Особенно американцев поразило прохождение «Бэкфайра» на сверхзвуке всего в пяти метрах над полосой, причем в штурвальный режим, без всякой автоматики! Такое повторить может не каждый летчик даже высокого класса.

А вот самого полковника поразило внешнее вид командира сверхзвукового ракетоносца В-1. Дело в том, что молодой парень, на вид лет двадцати семи, был... в очках с толстыми стеклами! Такого наша летная медкомиссия к аэродрому и на километр бы не подпустила, а в Америке ему доверили управлять межконтинентальным носителем ядерного оружия. Да, далеко шагнула демократия в США, даже слишком...

Потом был ответный визит украинских летчиков в Америку, правда, летели они пассажирскими рейсами, уж очень дорого для экономных янки было оплачивать заправку наших ракетоносцев. А может, они не хотели пугать демократическую общественность видом бомбардировщиков made in USSR. Еще подумают, что началась Третья мировая! На авиабазе Норфолк Валерий Валентинович был поражен уровнем оснащения, особенно ему понравился виртуальный тренажер для подготовки пилотов.

Огромный шар покоился на гидравлических домкратах, которые позволяли изменять его положение в пространстве. А качество графики было таким, что видно было, как колыхается трава на краю аэродрома. Понятное дело, сейчас этим никого не удивишь, но ведь дело было в начале девяностых, когда и простая «персоналка» была в диковинку!

Делегации украинских летчиков даже дали «полетать» на виртуальном тренажере воздушного танкера-заправщика КС-135, причем украинские пилоты с первого раза выполнили посадку. Потом был виртуальный полет на дозаправку в воздухе. Полковник Верескун, выполнив два подхода к танкеру, на третий успешно осуществил стыковку с подающей топливо штангой.

Потом, удивленный мастерством украинского экипажа, командир американской авиабазы спросил: «Вы, наверное, постоянно тренируетесь в выполнении дозаправок в воздухе?» На что полковник ответил: «Да, каждый день после утреннего кофе».

Были в истории полтавского авиагарнизона и черные дни, когда уникальные боевые самолеты пустили под нож в угоду мировым гегемонам. Вспоминать об этом не хотелось, но и забыть такое было невозможно.

Полковник Верескун вздохнул, отгоняя воспоминания. Ну да ладно, теперь все по новой – ручку на себя...

Глава 5. «Импортные украинцы»

Олег стоял по стойке «смирно» перед полковником Михайловым.

– Капитан Щербина, приказываю вашему звену эскортировать прибывающую на нашу базу группу украинских летчиков на новой технике для участия в учениях «Крылья мира». Вылет – через час, полетные карты с заданием получите у начштаба.

– Есть. Разрешите вопрос, товарищ полковник?

– Задавайте.

– На каких машинах прибывают гости – Су-27 или МиГ-29?

Полковник помрачнел.

– На F-16 «Файтинг фэлкон». Это канадские эмигранты украинского происхождения, из диаспоры. Прошли полный курс летной подготовки в США, Канаде и Англии, включая и «Топ Ган». Позывной – «Казак».

«Не фигово девки пляшут! «Засланных казачков» я еще не встречал», – подумал Олег.

Своих летчиков он встретил на стоянке эскадрильи и кратко изложил суть задания, особо подчеркнув, каких «гостей» и на каких самолетах они будут встречать. Подчиненные приняли эту новость мрачно, но с пониманием.

– Так, ребята, выполняем вылет уже по условиям учений

«Крылья мира».

– Покажем миру свое рыло, – тихо прокомментировал ведомый второй пары лейтенант Алексей Лазарев.

– Так, разговорчики! Лазарев, а то вместо вылета сейчас пойдешь «грузить чугуний».

– Виноват, та-щ капитан!

– Идем обычным построением, как при перехвате воздушной цели. Ясно?

– Так точно!

– Все, морали читать не буду – не маленькие. По самолетам!

– Есть!

Четыре истребителя Су-27 поднялись в воздух. «Хорошо, что нам ракеты не подвесили, а то так руки чешутся», – усмехнулся про себя командир звена. Олег привычно pokrutil головой, осматривая небесные просторы, но, кроме своих «сушек», никого не было видно. Опаздывают «казачки» ...

На горизонте появилось шесть черных точек. Ого! Половина штатного состава эскадрильи. Седьмой силуэт оказался громоздким «транспортником» С-130. «Геркулес», по-видимому, исполнял роль лидера.

– Звено, я – 801-й, приготовиться к встрече, усилить контроль за воздушным пространством, – Олег переключил канал связи. – Казак, я – 801-й, прием. Приветствуем вас в небе Украины. Занимайте эшелон пять, курсом сто двадцать гра-

дусов.

– Я – Казак, вас понял, занимаю указанный эшелон, ложусь на курс сто двадцать, прием.

– 801-й, я – 803-й, нас «подсвечивают» с земли, сработала «Береза»!

– Понял, вижу!

В кабинах Су-27 взывала сирена станции предупреждения об облучении локаторами.

– Командир, они включили канал наведения!

* * *

– Товарищ майор, неизвестные цели по пеленгу сто двадцать! Цель групповая скоростная, высотная, шесть единиц! – голос дежурного оператора поста РЛС наведения ракетного комплекса ПВО С-200 дрожал от напряжения. – На запросы «свой – чужой» не отвечают! Еще четыре цели, азимут тот же! Ответчик выдает – «свой»!

– Что за хреновина?! – собравшийся перекусить командир дивизиона уронил бутерброд себе на брюки.

Бутерброд упал, как полагается, маслом вниз, оставив на штанине жирное пятно. Но майору Федору Березову было не до этого.

– Боевая тревога! Классифицировать параметры движения целей! Включить режим раздельного фазирования! Операторам – вести цели. Пусковым расчетам – готовность

«ноль»!

– Товарищ майор, цели классифицированы! Курс... Высота... Скорость... Удаление... Это истребители, судя по всему, идут прямо на нас!

Майор, уже сидящий за командным пультом, был спокоен, как скала. Что ж, его к этому готовили, и он покажет сейчас, чего стоит...

– Дежурный, связь со штабом!

– Есть!

– Товарищ майор, открыт канал связи с самолетами, это наши...

– Переключи на меня.

Мембраны наушников, казалось, лопнут от сплошного потока отборнейшего многоэтажного мата. Таких экзотических склонений майор Березов не слышал даже за всю свою командирскую карьеру. От сердца отлегло при звуках «родной речи». Вот так у нас решается вопрос о государственном языке.

– Вы что там, совсем ох...ели, так вас и растак!!! Мудаки членоголовые, да вас за яйца подвесить мало!!! Трам-тарарам-там-там!!! – продолжали разрываться наушники.

Свою тираду разъяренный летчик-истребитель окончил фразой, родившейся еще в Великую Отечественную войну: «Вышла цель из облаков, позовите мудаков!»

– Оператор, отменить наведение. Пусковым расчетам – отбой тревоги. Ну кроет – ему бы стихи писать!.. А штаби-

сты у нас точно мудаки. Не предупредили, что к нам натовцы летят на «Эф-шестнадцатых».

* * *

Олег продолжал открытым текстом, поминая всех родственников тех мудаков, которые их чуть не угробили. Но все-таки инцидент разрешился благополучно, пилоты F-16 даже и не поняли толком, что произошло. Позже этот инцидент записали в отчетах как «отработку взаимодействия с зенитно-ракетными силами ПВО».

Американские истребители, ведомые украинскими летчиками канадского происхождения, благополучно приземлились на аэродроме истребительного полка в Миргороде. Вслед за ними совершили посадку и эскортирующие их Су-27.

* * *

При ближайшем знакомстве «импортные украинцы», как с легкой руки Щербины окрестили вновь прибывших летчиков, производили странное, двоякое впечатление. С одной стороны, они совершенно не ориентировались в реалиях сумасшедшей, совершенно непредсказуемой в условиях постоянной череды кризисов жизни в современной Украине. Да и

откуда им было знать о ней. Ведь воспитывали украинских эмигрантов по книгам Ореста Субтельного и других «забугорных» историков, восхвалявших славные традиции «Нэньки-Украины», большей частью растерянные, низведенные до варварской экзотики, замененные западными ценностями и западной массовой культурой. Иначе как же можно было объяснить наряды киевского бомонда, где вышитые украинские рубахи надевались вместе с джинсами «Гуччи». Или припадочные «Дикие танцы» победительницы Евровидения Русланы Лежичко.

На Украине, а особенно на Полтавщине, канадские эмигранты ожидали увидеть «хатынки-вышиванки», дивчин в украинских сорочках и хлопцев в казацких шароварах. Вместо этого и Миргород, и Полтава предстали перед ними современными городами с обилием иномарок, неоновыми вывесками на английском, русском и украинском языках, современной, модно одетой молодежью. Так что «импортные украинцы» попали не в «патриархальную Украину», а в современные европейские города.

Настоящим же шоком для «импортных» стало то, что в Миргороде и Полтаве люди одинаково свободно общаются и на русском, и на украинском языках, не раздувая из этого проблему вселенского масштаба. А когда канадские эмигранты заговорили о героях из ОУН-УПА, на них посмотрели как на предателей. Уж коренное население Полтавщины, из тех, кто выжил во время Великой Отечественной войны,

помнило зверства «украинских лыцарей», как их сейчас стали называть «новые блюстители «европейских ценностей».

И одновременно с этим чувствовалась в «импортных украинцах» какая-то спесь, они относились к остальным своим соотечественникам с плохо скрываемым превосходством. Еще бы – ведь они родом из самой цивилизованной, культурной и демократической страны! И невдомек было представителям канадской диаспоры, что таким отношением они лишь демонстрируют холуйскую спесь, столь характерную для тех, кто, не умея созидать, только лишь ловит объедки с барского стола да жалуется на жизнь.

Когда речь заходила об Америке или демократии, глаза их наливались праведным огнем. Демократия любой ценой! И не понимали они, что именно в цене все дело... Да и не хотели понимать, потому что эту цену должен был платить кто угодно, но только не они. Так их научили в Вест-Пойнте и на авиабазе Норфолк.

Именно так существовало «самое демократическое государство планеты» – за счет разрушения целых государств и закабаления народов в долларовой яме. Развал СССР, войны в нефтеносном Ираке и стратегически важном Афганистане, показательное уничтожение и расчленение Югославии, нестабильность на Кавказе и в центре Европы – все это было на руку только США. Америка крепла на костях и крови миллионов ни в чем не повинных людей, и лишь России, оплоту славян и Православной веры, хватило смелости бро-

сидеть перчатку в лицо мировому гегемону. Не технологиями, а прежде всего силой духа, широтой души, смелостью и презрением перед трудностями.

Но «импортные украинцы» не понимали всего этого, слишком уж приземленными категориями их приучили мыслить западные рационалисты. Либеральная демократия научилась «промывать мозги» похлеще любого тоталитарного строя.

Глава 6. Рубеж атаки

Рев, казалось, шел отовсюду, на рокочущей басовой ноте вибрировали сами небеса. Восемь соосных винтов четырех газотурбинных двигателей НК-12МВ размеренно молотили тугой, спрессованный скоростью воздух, неся неправдоподобно тонкий, как талия балерины, фюзеляж.

Олег невольно залюбовался грацией и изяществом огромной махины дальнего ракетноносца. Звену Су-27 под командованием капитана Щербины выпала честь эскортировать ракетноносец Ту-95МС. Все четыре истребителя шли синхронно парами по обе стороны длинных плоскостей воздушного корабля. Су-27, уравнив со стратегическим ракетноносцем скорости, висели в каких-нибудь трех метрах от законцовок крыльев четырехмоторного гиганта.

Филигранный пилотаж, где интервалы и дистанции измеряются считаными метрами, а скорости самолетов переваливают за восемьсот километров в час, требовал от летчиков сверхчеловеческого напряжения сил, внимания и высочайшего уровня летной подготовки. Естественно, летчики-истребители перед таким ответственным вылетом тренировались, отрабатывая сопровождение тяжелых транспортных самолетов Ил-76МД и Ан-124 «Руслан». Но эскортирование стратегического бомбардировщика – совсем другое дело!

Спина у Олега взмокла от напряжения, из-под шлема ка-
тились капли пота, а душа ликовала и пела! Щербина бук-
вально слился в единое целое с истребителем, чувствовал
обнаженными нервами биение пламени в соплах двигателей,
скоростной напор упругого воздуха и считанные метры ди-
станции. Вот оно – счастье летчика!

– Я – Медведь, подходим к четвертому развороту, ро-
спуск.

– Я – 801-й, вас понял. Роспуск. Мягкой посадки, Мед-
ведь.

Истребители парами разошлись в стороны, а огромный
ракетоносец стал величественно снижаться для захода на по-
садку. Ту-95МС приземлился под овации собравшихся на
полтавском аэродроме людей. Здесь были политики, воен-
ные, международные наблюдатели, аккредитованные журна-
листы ведущих информационных агентств. Крупномасштаб-
ные трехсторонние учения стали серьезным событием миро-
вого значения.

Ту-95МС уже катился по бетонным плитам взлетно-поса-
дочной полосы. Скрипнули тормоза тележек шасси, могучие
двигатели взвыли на реверсе. На мгновение все звуки стих-
ли, было слышно лишь, как щелкают затворами фотоappa-
ратов репортеры.

Тишина уступила место новому звуку, воющему, свистя-
щему. У полковника Верескуна, который был среди пригла-
шенных, защемило сердце при виде знакомых силуэтов в

небе. С грохотом над полосой прошли два «Бэкфайра», распахнув крылья на максимальном, посадочном, угле стреловидности. Описав круг над аэродромом, Ту-22М4 пошли на посадку.

После торжественного митинга и пресс-конференции началась работа. Приземлились два широкофюзеляжных транспортника Ил-76МД с командой обеспечения и необходимым оборудованием и «летающий радар» А-50. Такого количества тяжелых самолетов аэродром полтавской авиабазы давно не принимал. С некоторых пор здесь базировались два самолета МЧС Украины – Ил-76 и Ан-26, но это была лишь вынужденная мера для того, чтобы не дать авиабазе окончательно захиреть.

Ну, а сейчас на его стоянках и капонирах разместились тяжелые ударные и транспортные самолеты. Места хватило всем, ведь раньше, еще в советское время, здесь базировались два полка «Бэкфайров» и полк Ту-16.

Над аэродромом сгустились ранние сумерки, но еще долго на стоянках светили прожектора – техники готовили самолеты к предстоящим полетам. Крылатые исполины отдыхали после трудного и долгого перелета, чтобы завтра снова потрясти окрестности могучим ревом турбин.

А рядом с ними застыли на вечной стоянке их крылатые собратья, которые уже никогда не поднимутся в небо, и среди них – такой же Ту-95МС. От них в свое время отказалась молодая демократическая Украина, предпочтя мечтам

о небе стандартизованный и приземленный западный рай.

* * *

Утреннее солнце, поднявшееся из-за горизонта, осветило людей, деловито снующих по стоянке. Ту-95МС готовили к первому вылету в рамках международных учений «Крылья мира». От ракетносца только что отъехали разные технические машины, участвующие в подготовке к вылету, — неправдоподобно длинный топливозаправщик, кислорододобывающая станция, снабдившая экипаж необходимым запасом живительного газа, столь любимый летчиками спиртовоз с водно-спиртовой смесью «Шпага», которую аэродромный люд называл не иначе как «Массандра».

Техники последний раз проверяли двигатели и оборудование, оружейники под контролем офицеров спецотдела уже вывозили ложементы с покоящимися на них аэробаллистическими высокоточными ракетами.

По условиям учений планировалось выполнить несколько пусков по полигонам на Крымском полуострове и в акватории Черного моря. Причем задача усложнялась тем, что полет по заданному маршруту и ракетная атака целей на полигонах должны были пройти с ходу, без предварительной подготовки.

Эти ракеты и были «гвоздем программы». Оснащенные комбинированной высокоточной системой наведения и

неядерной боевой частью, они, по сути, являлись новым оружием сдерживания. Но, в отличие от ядерных боеголовок, могли быть применены в любой момент. Естественно, что ракеты и все оборудование, с ними связанное, были секретными. По периметру технической позиции Ту-95МС были расставлены часовые, а все работы с вооружением и электроникой проводились под контролем офицеров спецотдела. Кроме этого, предусматривались и другие меры безопасности.

Раскрылись створки бомболюка, тележка-ложемент поползла вверх на гидравлических домкратах. Стоящий на стремянке техник-оружейник внимательно контролировал ее подъем. Клацнули фиксаторы пусковой револьверной установки, зафиксировав ракету.

– «Изделие» на пусковой № 1!

– Есть!

– Подвозите следующую.

Операция повторилась, и теперь уже на двух установках пускового барабана были установлены ракеты. Оружейники быстро провели электроарматуру, которая отвечала за процесс пуска, подсоединили соответствующие разъемы и протестировали ее.

– Ракеты установлены, пусковой комплекс работает нормально, замечаний нет.

– Закрывать бомболюк!

Техники собирали инструмент, убирали стремянки и

вспомогательное оборудование, печатавали лючки технического доступа. На стоянку подъехал микроавтобус с экипажем, летчики выстроились шеренгой возле носовой стойки шасси. Командир экипажа передал штурману-навигатору портфель с полным комплектом полетной документации: полетными картами с проложенным маршрутом, разведанными целями, расчетами по топливу. Этот портфель, так называемый «учебный пакет», командир экипажа принимал у начальника секретной части перед каждым вылетом.

Потом к командиру экипажа строевым шагом подошел старший техник самолета и, вскинув правую ладонь к черному шлемофону, отрапортовал:

– Товарищ полковник, ракетоносец к полету готов!

* * *

– Товарищ полковник, звено истребителей Су-27 к полету готово, командир – капитан Щербина!

– Занять места в кабинах!

– Есть! По самолетам!

Над военным аэродромом Миргород растекся мощный рев турбин четырех истребителей. Олег Щербина пилотировал сегодня «спарку» Су-27УБ, в задней кабине которой находился полковник Михайлов, который осуществлял общую координацию в ходе вылета.

Согласно полетному заданию, четверка Су-27 должна со-

провождать Ту-95МС до рубежа пуска ракет, а потом вместе вернуться на аэродром базирования. Для такого длительного перелета истребители были оснащены подвесными топливными баками, которые увеличили и так приличный радиус действия Су-27. Полеты такого уровня сложности были под силу только опытным летчикам и на Украине проводились практически впервые за все время ее независимости. Но и полковник Михайлов, и капитан Щербина были уверены в своих летчиках.

Проверены приборы, опробованы перед взлетом двигатели. Истребители вырулили на линию исполнительного старта. Ну, с Богом!

– Ручей, я – 801-й, разрешите взлет!

– Взлет разрешаю.

Один за другим истребители взмыли в воздух.

* * *

– Я – Медведь, разрешите взлет.

– Взлет разрешаю.

Взрели четыре турбовинтовых двигателя, туша стратегического ракетноносца двинулась вперед, сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее, пока стремительный разбег не превратился в парение над землей. Ту-95МС величаво набирал высоту. Убраны шасси, на посадочно-пилотажном индикаторе загорелись зеленые лампочки.

В кабине ракетноносца штурман скрупулезно проверял расчеты: загрузку топливом, общую протяженность маршрута, поворотные точки, запасные площадки, рубеж атаки. Летчики-бомбардировщики привыкли к российским просторам и в воздушном пространстве Украины чувствовали себя как слон в посудной лавке. Или как медведь, если учитывать их позывной. Здесь один лишний разворот – и ты в Румынии, еще один – и здравствуй, Польша!

– Командир, минута до точки randevу с истребителями.

– Понял. Ждем.

Точно в назначенное время в иллюминаторах стратегического ракетноносца мелькнули стремительные силуэты истребителей. И тут же поступил доклад командира огневых установок из хвостовой кабины:

– Командир, наблюдаю четыре цели. Это – Су-27.

Командир корабля нажал клавишу связи на «роге» штурвала:

– Я – Медведь, приветствую вас, «маленькие».

– Я – 801-й, рады встрече с вами, Медведь. Занимаем позиции.

– Вас понял.

Олег осторожно подвел свой истребитель к огромному самолету и занял позицию позади него, чуть выше правой плоскости. За ним пристроился истребитель ведомого. За левой плоскостью бомбардировщика шла пара Вадима Величко.

Земли видно не было, ее скрывала пушисто-белая облачная равнина, от которой отражались лучи яркого солнца в бездонной синеве неба. По белым облакам скользили тени, отбрасываемые самолетами, летящими в едином строю. В такие минуты Олег забывал обо всем. Оставалось лишь восхитительное чувство полета, приглушенный рев турбин за спиной и – небо...

Тяжелый ракетноносец и истребители прикрытия прошли все точки маршрута.

– До рубежа пуска пять минут, – предупредил штурман-навигатор.

– Понял, 801-й, прием. До рубежа пуска – пять минут.

– Понял вас, Медведь. Звено, я – 801-й, пять минут до рубежа атаки. Расходимся.

Истребители увеличили дистанцию, а тяжелый ракетноносец, выполнив доворот, лег на боевой курс. Теперь он шел как по ниточке. Наступил тот самый долгожданный момент, которому были подчинены и пилоты экипажа бомбардировщика, и легчики-истребители эскорта, и еще сотни людей на земле, которые планировали и готовили этот вылет.

– Командир, боевой курс – двести десять, – сообщил штурман-навигатор.

– Захват цели произвел, – оператор систем вооружения переключил режим обзора локатора, сузив сектор прицеливания до семи градусов прямо по курсу.

На прицельном экране две вертикальные светящиеся рис-

ки ограничили метку цели, на которую легла горизонтальная черта прицеливания.

– Зенит, я – Медведь, прием. Цель вижу, разрешите работу?

– Работу разрешаю.

– Командир, рубеж пуска по цели № 1.

– Пуск разрешаю.

Раскрылись створки бомболюка, повернулся пусковой барабан.

– Ракета навелась. Отцепка! – доложил штурман-оператор.

Олег Щербина, полковник Михайлов и остальные летчики-истребители увидели, как из брюха ракетносца вышла ракета. После нескольких десятков метров свободного падения раскрылись сложенные крылья, включился двигатель под фюзеляжем, и ракета рванулась вперед.

– Я – Медведь, пуск по цели № 1 произвел.

– Я – 801-й, пуск подтверждаю.

Огромный ракетносец лег на крыло в широком развороте. Спустя некоторое время вновь прошла стартовая последовательность, и из чрева Ту-95МС стартовала вторая ракета.

– Я – Медведь, пуск произвел, возврат на «точку».

Теперь началась работа для экипажа барражирующего неподалеку «летающего радара» А-50. Огромная «тарелка»

обтекателя РЛС⁷ вращалась, сканируя пространство вокруг. Операторы «вели» обе выпущенные ракеты, постоянно контролируя их параметры.

А Ту-95МС и эскортирующие его истребители благополучно приземлились на своих аэродромах. Летчики звена капитана Щербины собрались в кабинете командира полка. Зазвонил телефон спецсвязи, полковник Михайлов взял трубку. Несколько секунд он молчал, потом торжественно произнес:

– Товарищи офицеры, поздравляю вас! Обе ракеты поразили заданные цели с минимальным круговым отклонением!

Летчики замерли по стойке «смирно».

– Служим народу Украины!

⁷ РЛС – радиолокационная станция.

Глава 7. Показательный пилотаж

А на следующий день начались полеты Ту-22М3. «Евростратегические» ракетоносцы, в отличие от Ту-95МС, летали без вооружения. Они использовались для отработки тактики перехвата воздушных целей истребителями, прорывали противовоздушную оборону, создавали зенитчикам «головную боль» – те уже и отвыкли от работы с такими сложными целями. Единственное, что только они не выполняли, так это дозаправку в воздухе, да и подобная задача условиями учений не предусматривалась.

Особенно эффектно выглядели «Бэкфайры» в маловысотном сверхзвуковом полете при прорыве ПВО. Острые, чуть вздернутые носы, заломленные назад, на минимальный угол стреловидности крылья, широкие, похожие на акулы плавники хвосты. Они приближаются беззвучно и, промелькнув серыми тенями, исчезают, а следом накатывает оглушительный грохот сверхзвукового скачка уплотнения и дикий рев турбин. И пока мы пытаемся прийти в себя, трясая оглушенной головой, – «Бэкфайры» уже далеко.

* * *

Пожилой техник, приставив ладонь козырьком, внимательно смотрел, как один из ракетоносцев выруливает на ли-

нию исполнительного старта.

– От летают – любо-дорого глядеть, – обратился он к напарнику.

– Да, Степаныч, но наш-то – не хуже.

– А то! «Бэкфайры», они-то, конечно, скоростные и все такое. Но вот только радиус маловат... А наш «Медведушко» до Америки достает шутя, и боевая нагрузка – шесть «подарочков» с разделяющимися боеголовками!

Степаныч покряхтел и полез на стремянку под крылом Ту-95МС.

– Гришка, сучий потрох, ты гидросистему выпуска шасси проверил?!

– Так точно, Михалыч.

– Сейчас проверю...

Покопавшись в гидросистеме шасси, старший техник спустился по стремянке, вытер руки ветошью и похлопал себя по карманам комбеза.

– Огонь есть? Пойду перекурю.

– Держи, – техник бросил ему зажигалку.

Степаныч отошел к пожарному щиту, курить можно было только возле него. Задымив сигареткой, он повернулся и увидел идущего к стоянке летчика в кожаной куртке и с летным шлемом, зацепленным ремешком на сгибе локтя. Из шлема выглядывал шланг кислородной маски, раскачивающийся в такт шагам летчика.

– Эй, товарищ летчик, заблудились вы, что ли? – махнул

рукой техник.

«Летун» подошел, поздоровался.

– Да я вот короткой дорогой иду.

– И много ты таких дорог знаешь? – усмехнулся техник.

– Здесь – все. Я, брат, здесь еще при Союзе служил. Полковник запаса Верескун, был командиром 185-го гвардейского Кировоградско-Будапештского Краснознаменного тяжелобомбардировочного авиаполка, когда он тут еще базировался.

Техник вытянулся по стойке «смирно».

– Виноват, товарищ полковник.

– Ладно. Отставить. Этого красавца обслуживаешь? – Верескун кивнул на «Ту девяносто пятый».

– Да. Его самого.

Верескун смерил техника взглядом. Что-то в нем казалось неестественным. Вроде бы обычный техник – замасленный технический комбез, сильные грубые руки с обломанными ногтями, но вот походка и манера держаться были слишком уж раскованными. Понятно, что в авиации особо с церемониалом не церемонились, но все же...

– Тяжело вам, наверное, приходится?..

– О чем вы?

– Да так... О службе.

– А...

Техник еще долго смотрел вслед уходящему летчику, тот чувствовал этот взгляд, но не обернулся. Степаныч хмыкнул

– пронизательный попался «летун».

* * *

У полковника Верескуна сегодня был особенный день. Сегодня он вновь возвращался в небо, и не на легком винтовом Як-52 или на послушной «летающей парте» L-29, а на современном стратегическом ракетоносце. Пройден предполетный инструктаж, сданы необходимые зачеты, позади и «медицина».

А впереди, на летной стоянке, – красавец Ту-22М4. Возле него выстроился экипаж. Валерий Валентинович надел летный шлем, отбил по бетонным плитам стоянки три уставных шага и вскинул правую ладонь к виску.

– Здравия желаю!

– Здравия желаю, товарищ полковник. Командир корабля – майор Виктор Поляков. Занимайте левую «чашку».

– Но ведь...

– Валерий Валентинович, исключительно из-за уважения к вашим заслугам.

– Спасибо.

Полковник Верескун осмотрел кабину, как мало все изменилось и как много нового одновременно. Новые multifunctional дисплеи, улучшенная эргономика кабины и вместе с этим – знакомые ощущения, едва уловимые запахи масла и авиатоплива, кислотоватый запах металла. Валерий

Верескун глянул на майора Полякова, занявшего катапультное кресло второго пилота, двинул рычаги управления двигателями вперед и прислушался к гулу двигателей.

Ту-22М4 покатился по рулежной дорожке и вырулил на линию исполнительного старта, скрипнув колесными тормозами.

– Каштан, я – Бекас-2, разрешите взлет, – чуть охрипшим от волнения голосом полковник Верескун запросил руководителя полетов.

– Я – Каштан, Бекасу-2 – взлет.

Отпущена гашетка колесных тормозов, двигатели выведены на взлетный режим. Стремительно летит навстречу серой лентой взлетная полоса, штурвал взят на себя – отрыв! Сосредоточенное лицо полковника Верескуна озаряет улыбка.

– Я – Бекас-2, взлет произвел.

«Бэкфайр» стальной иглой прошел облака, оставив земле лишь рев своих двигателей. Под крылом простиралась облачная равнина, Ту-22М4 лег на крыло в широком развороте. «Перехожу на сверхзвук». Крылья «Бэкфайра» поползли назад, меняя угол стреловидности. Мгновенный хлопок скачка уплотнения, и все звуки остаются позади разъятых сопел с бьющими из них факелами пламени. Перегрузка сжимает в своих стальных объятиях, словно приветствуя – ты вернулся в небо! Вернулся снова крылатым бойцом.

Глава 8. Предатели

Скучающий у обочины гаишник лениво махнул полосатым жезлом. По мановению «волшебной палочки» здоровенная фура сбавила скорость и приняла к обочине.

– Доброе утро, командир, – из кабины спрыгнул невысокий кряжистый водитель.

– Шо везем? – зевая, поинтересовался «страж дороги».

– Компьютеры, там... Принтеры всякие. Шут их разберет, я в этом не понимаю ни черта.

– В городе учения, въезд только со специальными разрешениями...

– Так вот же документы, – засуетился «дальнобойщик», доставая из помятого полиэтиленового файла бумаги с различными печатями и штампами.

– А-а... – гаишник мгновенно утратил к водителю интерес. Потом насторожился: – Нэ пыв?

– Та як можно, упаси Боже. От доставлю товар, тогда и погуляю! – водитель сунул гаишнику мятую купюру. – Шоб веселей служилось.

– О це я понимаю, – повеселел служитель порядка. – Счастливо!

На оптовой базе молодые, спортивного вида парни с короткими стрижками принялись за разгрузку трейлера. Разворошив гору коробок с компьютерами и оргтехникой, они

стали выволакивать из-под них тяжелые темно-зеленые ящики с набитыми через трафарет надписями. Тяжелая, судя по всему, тара быстро перегружалась в подъехавшие автофургоны.

Вернувшийся из конторы с путевым листом дальнобойщик ткнул кулаком в плечо своего напарника:

– Шо це вони там грузят?

– А бес его знает...

Водила подозрительно глянул на тяжелые деревянные ящики темно-зеленого цвета. Что-то не слишком они напоминали тару для компьютеров. Дальнобойщик и сам не раз таскал такие ящики, причем целых полтора года после учебки... Он поспешно отвернулся. В конце концов, кому какое дело, что они там делают. Меньше знаешь – целее будешь...

* * *

На кухне было накурено так, что «хоть топор вешай». Вокруг выдвинутого на середину стола сидело пять человек. На усыпанной крошками и объедками мятой газете стояла початая бутылка водки и немудреная закуска: хлеб, сковородка с жареной картошкой, селедка, сало.

– Ну, за вільну Україну, – провозгласил тост хозяин квартиры.

Звякнули стаканы, и «веселящая жидкость» полилась в глотки «патриотов». Внезапно раздалась трель дверного

звонка, потом еще раз и еще.

– Піду відкрию.

Хозяин, лет тридцати, в старой футболке и заношенных джинсах, сунул босые ноги в стоптанные шлепанцы и полпелся открывать дверь. На пороге стояло несколько человек, они молча протиснулись мимо хозяина в коридор. Среди незнакомых лиц хозяин квартиры отыскал одно, которое он знал.

– Здравствуйте, Николай Петрович! – он поспешно протянул руку.

Вошедший заглянул на кухню, при его появлении «пьяный базар», как по команде, стих.

– Что празднуете?

– Да это... – замялся хозяин квартиры. – Хату подломали...

– Вы что, идиоты?! Сказано было – сидеть тихо!

– Та все равно, колы начнется...

– Я тебе дам, «колы начнется»! – одной рукой Николай Петрович сграбастал хозяина квартиры за ворот грязной футболки. – Еще раз такое учудите, сдам вас, дебилов, к чертовой матери!

Новая генерация «борцов за свободную Украину», как и их идейные предки – бандеровцы, не брезговала откровенной уголовщиной – обворовывала квартиры, «бомбила» прохожих по вечерам. И при этом искренне считали себя патриотами.

– Ладно, проехали. Вот, привел тебе новых постояльцев.

Пусть поживут немного, и помни – рот на замок.

– Та як же можно, Николай Петрович...

– Вот тебе на расходы, – Николай Петрович протянул пухлую пачку купюр, аккуратно перетянутых резинкой.

Более всего этот Николай Петрович напоминал партийного функционера на пенсии. Он и действительно работал когда-то в райкоме, был «идеологически выдержанным», за что его ценило партийное руководство. Но его настоящая деятельность всегда была связана с ОУН-УПА. Его отец – капрал 14-й дивизии СС «Галичина» – был убит под Бродами.

Маленького Колю воспитывал дядя – командир карательного отряда «боевки» ОУН-УПА. Ему, как и немногим другим предателям, пришлось затаиться, они постоянно существовали в страхе, что рано или поздно за ними *придут*. Суровые приговоры и отсутствие срока давности по преступлениям перед Родиной и народом в Советском Союзе постепенно уничтожали на корню оставшихся власовцев, бандеровцев, мельниковцев, литовских «лесных братьев», белорусских полицаев, эстонских карателей. Казалось, еще немного – и сама память об этих тварях исчезнет.

Ан нет! С обретением Украиной «независимости» изо всех щелей и нор повыползали гады, почувствовали свою свободу. А с приходом к власти «оранжевых» так и вовсе бывшие палачи, в годы войны уничтожившие тысячи украинцев, русских, поляков, евреев и представителей других на-

родов, стали чувствовать себя совсем вольготно. И теперь они готовились взять реванш, устроить новую кровавую баню.

Николай Петрович удалился, оставив Санька наедине с неожиданными гостями.

– Може, бахнем за знакомство? – сказал хозяин квартиры первое, что пришло в голову.

– Мы не пьем.

«Гости» являли собой полную противоположность расхлябанным хозяевам квартиры – подтянутые, коротко стриженные, они двигались с неуловимой плавностью, словно хищные звери. В принципе, они и были хищниками, безжалостными, кровожадными, ждущими только команды, чтобы напасть.

– Ну, проходите, гости дорогие, квартира большая, четыре комнаты.

Честно говоря, Санек уже начал их побаиваться. Он вообще не отличался ни смелостью, ни умом. После окончания школы, где он не блистал знаниями, Санек поступил в текстильный техникум, где занимался только тем, что пил водку и услаждал недалеких и некрасивых «барышень». Природа наградила его высоким ростом и физической силой, но вот ума, как видно, недодала.

С трудом окончив техникум, наш герой работать по специальности не пошел, он мечтал о славе, читал книги и презирал окружающих. Кто-то из его старых знакомых открыл

свой бизнес, кто-то уехал в столицы и заграницы в поисках лучшей доли. И лишь Санек остался таким же, каким и был. Жил в квартире, доставшейся в наследство от родителей, перебивался случайными заработками и продолжал мечтать о славе и богатстве. Невдомек было великовозрастному тунецю, что нужно работать, чтобы чего-то достичь в жизни. Ему вот уже двадцать восемь, а он все еще «Санек».

Но все изменилось, когда грянула «оранжевая революция». Санек сварил два яйца, взял полбуханки хлеба, завалявшуюся в холодильнике банку консервов и поехал в Киев. Там, наслушавшись примитивной пропаганды, он с искренностью дикаря уверовал, что все беды Украины – он наглых «москалей» и жадных евреев, а Америка для «молодой украинской демократии» – лучший друг и помощник. Он вместе со всеми орал лозунги, размахивал оранжевым флагом, жрал «благотворительные гамбургеры» и наслаждался неизвестным доселе чувством единения с себе подобными. Еще бы, ведь они теперь – сила! «Разом нас багато!»

«Тебе дадут знак!» – пела знаменитая рок-группа «Ария». Сотням и тысячам одурманенных западной пропагандой людей дали этот знак. И теперь колонны дураков взошли на алтарь чужих политических интересов. Добившись своего, «оранжевая коалиция» начала примитивный дележ власти, и об активистах как-то сразу забыли. Активисты повозмущались-повозмущались и разошлись с Майдана. Средней руки политический спектакль в центре Европы закончился.

Санек вернулся из столицы преисполненный новых националистических идей. Можно сказать, что он, наконец, нашел себя. Из тунеядца и бездельника он превратился в идейного борца за «независимую Украину». Но пить при этом не перестал. «Зачем мне считаться шпаной и бандитом, пойду-ка я лучше в антисемиты»⁸. Здесь его и взял в оборот глава региональной организации «Тризуб» имени Степана Бандеры.

* * *

– Слава Иисусу!

– Навеки слава!

Вокруг стола с ноутбуком и ворохом бумаг сгрудились люди в полувоенной форме.

– Вот данные, которые мне удалось раздобыть, – сказал сидящий за компьютером парень. – Вояки до того деградировали, что хоть танк, хоть самолет угнать можно.

– А аэродромы тебе удалось сфотографировать?

– Нет, там сейчас такая охрана, как при Союзе. Международные учения идут.

– Ничего, недолго им осталось...

В комнату вошли еще несколько человек.

– Ящички получили?

⁸ Высоцкий В.С. Песенка антисемита.

Ответ по-военному краткий:

– Так точно.

Среди нескольких смуглых парней две светловолосые девушки смотрелись странно, но парни относились к ним как к равным, не пытаясь заигрывать или ухаживать. В их среде сантименты были не приняты. И еще одна деталь, способная многое рассказать внимательному наблюдателю, – нижняя часть лиц парней была заметно бледнее верхней, осмугленной солнцем и долгим пребыванием на открытых пространствах.

С недавних пор такие молодые люди стали появляться возле воинских частей в Полтаве и области. Они фотографировали объекты, заговаривали с караульными на КПП. Потом добытые разведчиками УПА сведения передавались командирам «боевок» – отрядов. Так новые бандеровцы были в курсе всех событий.

Они действовали по классическим канонам диверсионной работы. Сейчас в самом разгаре был этап сбора информации, и скоро, совсем скоро должны были начаться силовые акции.

Глава 9. Flanker vs. Fighting Falcon

На постановке боевой задачи, или, как сейчас модно это стало называть, «предполетном брифинге», собрались летчики «Су двадцать седьмых» и их коллеги – пилоты F-16. Этого полетного задания с нетерпением ждали офицеры авиабазы Миргород и в особенности – Олег Щербина.

«Импортные украинцы» с самого начала учений всячески бахвалились, превознося достоинства американской техники и крайне презрительно отзываясь о русских самолетах и уровне подготовки летчиков. Особенно преуспел в этом командир звена F-16 кэптен Олесь Панасюк. Тот любое свое высказывание переводил на тему восхваления своих звездно-полосатых хозяев. И налет часов у них больше, и авиационные тренажеры самые современные, и техника надежнее.

Олег просто кипел от негодования, страстно мечтая увидеть силуэт «Фэлкона» в перекрестье своего прицела. И вот теперь два звена истребителей должны были не просто участвовать в ближнем учебном бою – разыгрывалась целая тактическая ситуация: Су-27 при поддержке «летающего радара» А-50 должны были прорвать оборону звена F-16, прикрывавших позиции ЗРК С-200, и уничтожить ее. Чтобы еще больше усложнить задачу, зенитчикам-ракетчикам было приказано активно обороняться – включать свой комплекс в боевой режим подсветки цели и наведения, разумеется, без

реальных пусков.

* * *

– Ну что, орлы?! – голос майора Федора Березова разносился по лесной полянке, где был построен вверенный ему личный состав дивизиона ПВО. – Готовы к обороне мирного неба от агрессоров?

– Так... точн... тащ... мр-р!..

– И без всяких мне, б...дь, неожиданностей! Хватит, в прошлый раз чуть своих не ухайдакали. Занять позиции!

– Есть!

Березов подошел к командиру приданного механизированного отряда войсковой ПВО. Неподалеку от замаскированных позиций С-200 затаились его боевые машины, взяв на прицел наиболее вероятные направления атаки самолетов.

– Ну что, готов?

– Так точно. Две «Тунгуски» разместил во-он там, за пригорком, «Осы» стоят по периметру, а чуть ближе, вот тут, – «Шилки», – рассказывал командир, указывая на невзрачные холмики травы, кустов, мелких деревьев. Маскировка была идеальной.

Капитан Владислав Русанов производил впечатление университетского профессора своей негромкой, логично построенной речью. В сущности, он им и был, просто сей-

час в Киевском политехе проходили сборы, и он умудрился попасть на учения. Но, несмотря на сугубо гражданскую профессию, со своей должностью командира он справлялся неплохо, оборону позиций С-200 организовал грамотно, и майор Березов остался доволен.

– Честно говоря, я бы предпочел, чтобы за нас работали «сушки», а не эти пи...расы.

– У самого руки чешутся «завалить» парочку «фэлк-нов», – кивнул Березов. – Ладно, по местам, пятиминутная готовность.

* * *

Данные, поступающие с борта самолета дальней радиолокационной разведки и целеуказания А-50, отображались на многофункциональном дисплее справа на приборной доске. Олег заметно волновался, ведь такую сложную задачу, как перехват по целеуказанию самолета ДРЛО⁹, он выполнял только на тренажерах-авиасимуляторах. Он оглядел воздушное пространство: летчики четко держали строй. Молодцы! Глянул на авиационные часы – до перехвата оставались считанные минуты.

Четверка Су-27 шла в плотном стою «ромб», соблюдая полное радиомолчание. Нервы летчиков были напряжены до

⁹ Самолет ДРЛО – самолет дальнего радиолокационного обнаружения.

предела – и, странное дело, истребители неслись с бешеной скоростью, а секунды ожидания боя тянулись медленно, каплями пота на лицах летчиков.

На тактическом экране вспыхнули засветки четырех скоростных целей, а дальше, очерченный ореолом зоны обнаружения-поражения, находился зенитно-ракетный комплекс – цель атаки. Олег краем глаза успел заметить серые силуэты «Эф шестнадцатых», мелькнувшие внизу, на фоне леса. Он резко накренил истребитель, двинув РУД вперед. Взвыли турбины, Су-27 выполнил немыслимо крутой вираж. Вслед за командиром этот маневр выполнили и другие летчики, словно связанные в строю невидимой нитью.

– Я – 801-й, «противник» на курсе двести восемьдесят. Сближаемся! Ведомый, держи хвост!

– Я – 802-й, понял, прикрываю!

Су-27 мгновенно сошлись с американскими истребителями на малую дистанцию, завертелась немыслимая карусель ближнего боя. Все истребители были оснащены полным комплектом средств радиоэлектронного противодействия и отстреливаемых ложных целей. Не было только боевых ракет, вместо них висели имитаторы – с головками самонаведения, но без двигателей.

– Командир, сзади справа!

– Понял!

Пара F-16 спикировала на Су-27 Олега, но тот, предупрежденный Юркой, успел уйти из-под атаки. Завязался бой на

виражах. Нажатие на клавишу на ручке управления, и включился режим наведения «Шлем», – щелкнув, опустил на правый глаз «монокль» коллиматорного прицельного визира. «Ну, сейчас я тебе устрою!»

На американских истребителях тоже была нашлаемная система наведения, только израильского производства, работавшая в комплексе с ракетой малой дальности «Питон-4». Сами американцы создать нашлаемный прицел для истребителя не смогли до сих пор, а в СССР он уже был в начале 80-х годов прошлого века.

Олег выполнил правый вираж, Су-27 развернулся буквально «вокруг хвоста», и «Файтинг фэлкон» проскочил вперед. «Пуск разрешен», – приятным женским голосом проинформировала система голосового оповещения. Щербина поворотом головы задал целеуказание головке самонаведения ракеты и нажал гашетку пуска. «Импортный украинец» запоздало отстрелил серию тепловых ловушек, но система записи полетных данных бесстрастно зафиксировала «попадание» секундой раньше.

Олег и Юра перестроились и навалились на оставшийся F-16. Его легчик совершенно растерялся и... в панике рванул держки катапульты! Отлетел прозрачный фонарь, и из кабины во вспышке пламени стартовых ускорителей вылетело кресло с пилотом. Несколькими секундами позже раскрылся бело-оранжевый купол парашюта. У Олега челюсть отвисла, несмотря на пристегнутую кислородную маску. Вот

тебе и «Топ Ган» – они что там, дорожки мели?..

– Я – 801-й, пилот F-16 по неизвестной причине катапультировался. Квадрат четырнадцать, пришлите вертолет поисково-спасательной службы. Продолжаю выполнение задания.

– Не понял, как это – катапультировался?..

– А откуда я знаю?

Оставшиеся три F-16 поспешно ушли на аэродром.

А звено Су-27 продолжило свой полет к цели. Капитан Щербина разделил свое звено, сам с ведомым ушел на предельно малую высоту, а пара старшего лейтенанта Вадима Величко шла на высоте семи тысяч метров. Станции радиоэлектронных помех «Сорбция» на крайних крыльевых пилонах работали на полную мощность, забивая частоты наведения. Экраны наведения РЛС зенитно-ракетного комплекса запестрели ложными засветками целей, световой «метелью» и мельтешением мелких точек. И когда, наконец, оператор радара сообщил командиру об успешной отстройке от помех, из-за зубчатой стены леса вынырнула атакующая пара Су-27.

Чтобы избежать обнаружения, капитан Щербина вел свой истребитель в считанных метрах над лесом. Деревья гнулись от воздушной волны, расходящейся от самолетов, ручка управления самолетом, как живая, норовила выпрыгнуть из рук. Тут не мешкай, малейшая неточность – и времени на катапультирование уже не будет, так и пропанешь деревья

огненной бороздой...

– Цель вижу, работаю!

Прицельно-навигационный комплекс переключен в режим «Земля», ручку на себя – набор высоты. Потом переворотом через крыло – в пикирование. Регистратор данных бесстрастно фиксирует пусковые позиции зенитных ракет под маскировочными сетями, решетчатые антенны локаторов. Ручку на себя – выход «в горизонт»¹⁰. Наваливается неимоверная перегрузка, в глазах темнеет. Но задача уже выполнена.

– Я – 801-й, цель поражена. Противозенитный маневр!

Четверка истребителей, оставляя за собой шлейф отстреленных ложных целей, уносится прочь.

На обратном пути летчики сопровождали спасательный вертолет с «канадско-украинским» летчиком. Экипаж Ми-8МТ вылетел почти сразу же после доклада капитана Щербины. Пилота нашли быстро, по словам командира экипажа винтокрылого спасателя, тот чувствовал себя нормально, но внятно объяснить, почему катапультировался из совершенно исправного самолета, не мог.

* * *

– Поздравляю с первым сбитым, товарищ лейтенант, –

¹⁰ В горизонтальный полет.

Щербина откровенно прикалывался, а стоящий перед ним навытяжку Юрка покраснел как рак. – Рисуёшь теперь звездочку.

– Как бы теперь у нас с погон звездочки не слетели, – смущенно ответил он.

– Да хрен с ним, этот придурок сам за держки потянул, никто его не провоцировал.

Хотя внутренне Щербина уже сам приготовился к худшему. С одной стороны, все так, как он сказал, а с другой – их могут просто тупо сделать виноватыми. Прецедент уже имеется – обвинили же летчиков «спарки» Су-27УБ, пилотировавших самолет на том трагическом авиашоу в Скнилове. Так что...

Полеты приостановили, срочно была создана специальная комиссия по расследованию летного происшествия. Пилот, слава богу, отделался лишь сотрясением мозга. Перед катапультированием он успел принять правильную позу и выполнил все по инструкции. Узнав об этом, Олег проворчал: «Ну, хоть чему-то их в «Топ-Гане» научили».

Так что все было ясно с самого начала. Бортовые самописцы всех истребителей беспристрастно и скрупулезно зафиксировали все моменты учебного воздушного боя с точностью до сотых долей секунды. Расшифровка «черных ящиков» тоже много времени не заняла. Правда, неожиданно возникла загвоздка с тем, как квалифицировать данную аварию. Уж очень не хотелось признавать «импортным украинцам» и

их звездно-полосатым инструкторам, что пилот истребителя попросту струсил и его «заклинило» в самый ответственный момент. Списать на отказ техники тоже было нельзя, потому что сразу возникает вопрос: а как неисправный истребитель был допущен к участию в учениях? В этом случае погоны полетели бы со многих высокопоставленных генералов. В конце концов инцидент списали на «повышенную чувствительность электронной системы безопасности истребителя». И тут выкрутились, типа – F-16 настолько надежен, что сам решает, когда выбрасывать летчика вон из кабины.

Зато Юрка купался в лучах славы. Еще бы – умудрился «завалить» хваленый американский F-16 в учебном вылете. Типа, «а если бы у меня еще и боевые ракеты были»!.. Как в том старом анекдоте: «А есть, господа «зеленые береты», у советского спецназа такие звери, что им даже автоматы не выдают! Стройбат называется». Правда, на лейтенанта Рощина было наложено взыскание, но комполка обещал снять его, как только закончатся учения. Щербина и вообще был рад за своего ведомого.

Зато уж кто и ходил как в воду опущенный – так это «импортные». Великий критикан кэптен Панасюк пытался было что-то говорить о «хулиганстве в воздухе», но летчики второго звена быстро охладили его пыл, сославшись на данные бортовой системы контроля истребителей. Ну, а Олег вновь задал вопрос о том, чем же на самом деле занимались «гарны хлопцы» из Канады в элитной американской школе

воздушного боя. Наверное, командование «Топ Гана» хотело построить пару коттеджей, а молдаван не хватило. Кстати, канадские коллеги-истребители могут существенно повысить свою квалификацию прямо в Полтаве. Школы воздушного боя, правда, здесь нет, но зато есть единственный в Европе институт свиноводства. Как раз по профилю.

Олесь Панасюк пробурчал что-то вроде: «Еще увидим, кто кого», и удалился с низко опущенной головой.

Еще через некоторое время полеты в рамках учений возобновили, правда, с существенными ограничениями по безопасности.

Глава 10. Время шакалов

– ...Мы ведем свой репортаж из центра Полтавы. Некогда цветущий город в самом сердце Украины сейчас превратился в арену кровавого противостояния между фашиствующими организациями националистов и органами правопорядка. В Полтаве царит хаос, введен комендантский час. Но принятые меры неэффективны, власть в городе утеряна. Киевские власти воздерживаются от комментариев по поводу этих безусловно пагубных событий. В то время, как местное руководство радикальных группировок УНА-УНСО, прикрываясь благими лозунгами о «защите европейского выбора Украины» прямо провоцирует творящееся в городе беззаконие. И это после того, как всего месяц назад Президент Украины и представители оппозиции все же пришли к соглашению в ходе антикризисных переговоров.

Напомним, что беспорядки начались 9 мая, когда на центральной площади города столкнулись митингующие представители социалистов и коммунистов и группы фашиствующих молодчиков под флагами ОУН-УПА. Очень скоро мирная демонстрация переросла в кровавое побоище...

Внезапно репортер одного из столичных телеканалов увидел на углу пустынной улицы группу молодчиков в камуфляже с трезубцами и свастиками на шевронах.

– Костя, – крикнула она оператору, – бежим!

Недалеко была припаркована их машина, но добежать до нее они не успели. Толпа ублюдков оказалась быстрее. Нагнав репортеров, они принялись избивать их битами, арматурными прутьями, топтать тяжелыми десантными ботинками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.